

2000-44

На правах рукописи

КАДЫРОВ Кадыр Бозорович

**ИСТОРИЯ ВОСПИТАНИЯ, ШКОЛЫ И
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ТАДЖИКОВ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО
ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИСЛАМА**

Специальность — 13.00.01 — общая педагогика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени доктора педагогических наук

ДУШАНБЕ — 2000

Работа выполнена на кафедре общей педагогики Таджикского государственного педагогического университета.

Научный консультант — доктор педагогических наук, действительный член АПН СССР, РАО, Заслуженный деятель науки Республики Таджикистан, профессор *И. О. Обидов*.

Официальные оппоненты — доктор педагогических наук, профессор *Х. С. Афзалов*, доктор педагогических наук, профессор *М. Лутфуллоев*, доктор исторических наук профессор *С. Сулаймонов*.

Ведущая организация — Курган-Тюбинский государственный университет им. Н. Хусрава.

Защита состоится «31» сентября 2000 г. в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д.065.02.01 по присуждению учёной степени доктора педагогических наук в Таджикском государственном педагогическом университете (734003, г. Душанбе, проспект Рудаки, 121).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Таджикского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан « » 2000 г.

Учёный секретарь диссертационного совета, доцент *Б.С.И. Х. Каримова*.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. На исходе двадцатого в.ка, когда к завершению близится не только столетие, но и тысячелетие, обостряется желание оглянуться на пройденный человечеством путь, научно осмыслить и подытожить его. Чрезвычайная сложность этой задачи усугубляется проблемами, которые ставят перед наукой драматические события новейшей истории. Продуктивное осмысление этих проблем представляется возможным только при условии всестороннего изучения, обобщения и использования накопленного опыта, в том числе в сфере образования. И напротив, тотальный отказ от прежних духовных ценностей провоцирует ситуации, чреватые культурными кризисами.

Сказанное в первую очередь касается Республики Таджикистан, ищущей новые пути социального развития. Для неё научное исследование вопросов, связанных с закономерностями сохранения и использования обществом воспитательного опыта и образовательных традиций прошлого, становится особенно важным.

Правительство, учёные, педагогическая общественность Таджикистана, понимая важность рассматриваемой проблемы, разработали Концепцию национальной школы, и в 1994 году был введён в действие новый Закон Республики Таджикистан «Об образовании» — научно обоснованный законодательный акт, провозгласивший образование обладающим стратегическим значением и приоритетно развиваемой сферой деятельности, лежащей в основе развития личности, общества, государства.

В реализации идей, провозглашённых законодательством об образовании, огромная роль отводится педагогической науке и в особенности педагогической проблематике, главное предназначение которой — изучение истории школы, практики воспитания, педагогического наследия прошлого, богатого гуманистическими идеями и общечеловеческими ценностями.

Без изучения и сохранения национальных воспитательных традиций и духовных ценностей прошлого невозможно представить современную педагогическую науку. В связи с этим Президент Республики Таджикистан Э. Рахмонов в своей книге «Молодёжь — будущее нации» подчёркивает, что «государство, которое мы строим, конечно, должно учитывать опыт создания государственности мировых цивилизованных стран и общепринятые демократические нормы,

Работа выполнена на кафедре общей педагогики Таджикского государственного педагогического университета.

Научный консультант — доктор педагогических наук, действительный член АПН СССР, РАО, Заслуженный деятель науки Республики Таджикистан, профессор *И. О. Обидов*.

Официальные оппоненты — доктор педагогических наук, профессор *Х. С. Афзалов*, доктор педагогических наук, профессор *М. Лутфуллоев*, доктор исторических наук, профессор *С. Сулаймонов*.

Ведущая организация — Курган-Тюбинский государственный университет им. Н. Хусрава.

Защита состоится «31» сентября 2000 г. в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д.065.02.01 по присуждению учёной степени доктора педагогических наук в Таджикском государственном педагогическом университете (734003, г. Душанбе, проспект Рудаки, 121).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Таджикского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан « » 2000 г.

Учёный секретарь диссертационного совета, доцент *И. Х. Каримова*.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. На исходе двадцатого века, когда к завершению близится не только столетие, но и тысячелетие, обостряется желание оглянуться на пройденный человечеством путь, научно осмыслить и подытожить его. Чрезвычайная сложность этой задачи усугубляется проблемами, которые ставят перед наукой драматические события новейшей истории. Продуктивное осмысление этих проблем представляется возможным только при условии всестороннего изучения, обобщения и использования накопленного опыта, в том числе в сфере образования. И напротив, тотальный отказ от прежних духовных ценностей провоцирует ситуации, чреватые культурными кризисами.

Сказанное в первую очередь касается Республики Таджикистан, ищущей новые пути социального развития. Для неё научное исследование вопросов, связанных с закономерностями сохранения и использования обществом воспитательного опыта и образовательных традиций прошлого, становится особенно важным.

Правительство, учёные, педагогическая общественность Таджикистана, понимая важность рассматриваемой проблемы, разработали Концепцию национальной школы, и в 1994 году был введён в действие новый Закон Республики Таджикистан «Об образовании» — научно обоснованный законодательный акт, провозгласивший образование обладающим стратегическим значением и приоритетно развиваемой сферой деятельности, лежащей в основе развития личности, общества, государства.

В реализации идей, провозглашённых законодательством об образовании, огромная роль отводится педагогической науке и в особенности педагогической проблематике, главное предназначение которой — изучение истории школы, практики воспитания, педагогического наследия прошлого, богатого гуманистическими идеями и общечеловеческими ценностями.

Без изучения и сохранения национальных воспитательных традиций и духовных ценностей прошлого невозможно представить современную педагогическую науку. В связи с этим Президент Республики Таджикистан Э. Рахмонов в своей книге «Молодёжь — будущее нации» подчёркивает, что «государство, которое мы строим, конечно, должно учитывать опыт создания государственности мировых цивилизованных стран и общепринятые демократические нормы,

опираясь при этом на исторические, культурные, психологические традиции, духовные и нравственные ценности нашего народа»¹.

Многие педагогические идеи основывались на содержательных воззрениях мыслителей Востока, в том числе Средней Азии и Ирана. С этой точки зрения, назрела необходимость объективно оценить их взгляды на воспитание и развитие человека, чтобы возродить наиболее эффективные формы и методы воспитания в новых исторических условиях.

В процессе учебно-воспитательной работы педагоги всегда нацеливают учащихся и студентов на то, чтобы они ценили и уважали культуру каждого народа, его прогрессивные обычаи и традиции, хранили, преумножали и развивали общечеловеческие идеалы народов мира. В этом плане презентация вклада народов Востока в сокровищницу мировой культуры, в том числе педагогической мысли,— одна из серьёзных и актуальных задач, которые стоят перед учёными в связи с необходимостью совершенствования психолого-педагогической подготовки будущих учителей.

Поэтому мы поставили своей целью исследовать истоки таджикской педагогики, её практику и идею о воспитании и образовании от древности до возникновения ислама с учётом того очевидного факта, что в истории педагогики по ряду объективных причин истоки национальной педагогики не получили глубокого, всестороннего и объективного научного освещения.

Вследствие ограниченности необходимых сведений об эволюции педагогической мысли таджикского народа, назрела необходимость на основании существующих источников и материалов проследить развитие педагогических идей в тесной связи с общественно-политической и культурной жизнью наших предков. Таджикские мыслители и просветители, развивая педагогические идеи своих предшественников, внесли большой вклад в дело просвещения, стремились воспитать подрастающее поколение в духе любви к знаниям, преданности Родине, стремления к торжеству высоких человеческих идеалов, искоренению несправедливости и улучшению жизни людей. Они рассматривали образование как средство высокой организации социальной, экономической и духовной жизни, так как убедились, что

¹ Рахмонов Э. Молодёжь — будущее нации. — Душанбе: Ирфон, 1998. — С. 62.

главной причиной застоя в обществе является невежество. Движение по пути к прогрессу всех сфер жизни страны они не мыслили без развития науки, освобождения научной деятельности от религиозной мистики, без утверждения системы светского образования. Поэтому изучение истории школы и развития педагогической мысли иранских племён до возникновения ислама представляет большой научный и практический интерес для историко-педагогической науки. Исходя из необходимости проследить поэтапное развитие педагогической мысли, мы в своём исследовании опирались на работы ведущих педагогов, востоковедов, историков, этнографов, философов: В. В. Бартольда, Е. Э. Бертельса, И. С. Брагинского, А. М. Богоутдинова, Б. Г. Гафурова, А. И. Пискунова, К. И. Салимовой, И. О. Обидова, З. А. Мальковой, Н. Н. Негматова, Ю. Якубова и др. Они помогли воссоздать общую картину исторического развития, выделить специфические особенности каждого исторического периода, сопоставить общее и особенное, выкинуть в историю культуры и философию народов и использовать полученные данные для выявления факторов, повлиявших на развитие педагогической мысли таджикского народа в ранние века его истории.

Особый интерес представили также труды, посвящённые древней цивилизации, верованиям и обычаям, расцвету науки таджикского и иранского народов, авторами которых были С. С. Айни, А. Н. Болдырев, М. Бойс, М. М. Дьяков, Г. А. Кошеленко, М. Н. Боголюбов, Б. Я. Ставиский, М. А. Дандамаев, Б. Г. Луконин, Б. А. Литвинский, М. Е. Массон и др.

В республике уже проделана известная работа по изучению истории педагогической мысли таджикского народа. Издан ряд монографий и сборников, в которых анализируются педагогические взгляды таджикских мыслителей прошлого: Фирдоуси, Абуали ибн Сино, Носира Хисрава, Саади, Джами и др. Опубликованы работы обобщающего характера².

Несколько работ посвящены проблемам национально-освободительного движения, общественно-политической мис-

² Мирбабаев М. К. Этика Джалолиддина Давоми. — Душанбе: Дониш, 1992; Садыков А. Нравственные воззрения мыслителей Востока. — Душанбе: Дониш, 1988; Султонов У. Социально-философские и нравственные воззрения Авиценны. — Душанбе: Ирфон, 1975; Кадыров К. Б., Халимов А. Педагогические воззрения Фирдоуси. — Куляб: Сада, 1992.

ли и просветительства Сирии, Египта, Турции, Афганистана, Индии и Пакистана, у которых много сходного с Ираном и Таджикистаном. В этом отношении большую ценность представляют работы З. И. Левина, Д. Ж. Жельякова, Х. Н. Назарова, Н. А. Дворянкова, Д. Я. Очильдиева, С. Мирзоева, Ш. Имомова, Л. Р. Гордон-Полонской и др.

Для оценки школьных систем и развития педагогической мысли важное значение имеют исследования Е. А. Дорошенко, Т. И. Кухтиной, Т. П. Дадашева, М. И. Кондакова, Н. А. Константинова, Б. Л. Вульфсона, В. П. Лапчинской, Л. Н. Гончарова и других педагогов и историков по вопросам школьного образования в развивающихся странах.

Большую помощь в исследовании избранной проблемы оказало изучение работ учёных-педагогов А. Саади, А. М. Тагиева, А. Ю. Саидова, Т. Таджибаева, В. П. Борисенкова, Х. Х. Тлашова и др.³, посвящённых развитию системы образования и педагогической мысли народов СНГ и мира.

Вместе с тем имеются проблемы, без серьёзного исследования которых трудно воссоздать историю развития педагогической мысли таджикского народа. Ещё не изучена (по источникам) история педагогической мысли, не проанализированы вопросы, относящиеся к истории возникновения различных школ и практике воспитания.

К числу неисследованных относится также проблема истории школ и развития педагогической мысли с древнейших времён до нашествия арабов. Доисламское педагогическое наследие таджиков оказало огромное влияние на становление и развитие педагогической мысли народов древнего и средневекового Востока. Однако вопросы истории школы и педагогической мысли этого периода не нашли должного отражения в отечественной и зарубежной историко-педагогической литературе. Опубликованная автором монография «История педагогической мысли таджикского народа (с древнейших времён до возникновения ислама)»

и ряд научных статей восполнили этот существенный пробел.

Доисламская педагогическая мысль таджиков в Республике Таджикистан и странах СНГ почти не изучена. Но в некоторых была сделана попытка осветить отдельные вопросы развития педагогической мысли таджиков в древности. Так, в работе И. С. Брагинского «Из истории таджикской и персидской литератур» даётся литературоведческий анализ памятников древнеиранской письменности («Авеста», «Младшая Авеста», «Ядгар Зареран», «Драхт асурик» и др.). А. М. Богоутдинев в «Очерках по истории таджикской философии» назвал зороастрийскую триаду «добрая мысль», «доброе слово», «доброе дело» основой нравственного воспитания предков таджикского народа.

В последние годы изучены отдельные аспекты зороастрийской религии и педагогической мысли таджикского народа (Девонаев Ш., Авзалов Х. С., Пахлавонов А., Лутфуллоев М. и др.)⁴.

Имеется ряд других исследований, в которых в той или иной степени затрагиваются интересующие нас проблемы истории школы и педагогической мысли. Среди них работы Ю. Н. Нуралиева, Л. С. Блиштейна, А. К. Мирбабаева, В. А. Ранова, В. А. Васильева, В. А. Кочергиной, В. Н. Романова, Н. А. Вольнской, Г. М. Бонгард-Левина, М. С. Асимова, А. Афсахзода, А. Ф. Леонова и др.

Зарубежные востоковеды И. Сиддик и А. Бежан (Иран) дают общую характеристику истории развития культуры и школ в Иране и Средней Азии до нашествия арабов⁵.

В исследованиях таких иранских историков, литературоведов, философов и лингвистов, как М. Табризи, З. Сафа, Р. Шафак, М. Авранг, Д. Эрони, А. Джоханиён, Х. Паринё, М. Рашход, Х. Разави, С. Х. Наср и др. вопросы, касающиеся нашей темы исследования, рассматриваются эпизодически.

Автором были изучены также источники по общим воп-

³ Борисенков В. А. Народное образование и педагогическая мысль в освободившихся странах Африки.— М.: Педагогика, 1987; Саади А. Педагогические мысли Востока.— Казань, 1927; Саидов А. Ю. Из истории развития педагогической мысли в Азербайджане.— Баку, 1958; Таджибаев Т. Педагогическая мысль в Казахстане во второй половине XIX в.— Алма-Ата, 1965; Тлашов Х. Х. Общие педагогические идеи учёных-энциклопедистов Ближнего и Среднего Востока эпохи Средневековья.— Ташкент, 1985 и др.

⁴ Девонаев Ш. Биография, религия и мораль Заратуштры.— Душанбе, 1997; Авзалов Х. С. Школа и педагогическая мысль в Иране в конце XIX—начале XX вв.— Душанбе: Ирфон, 1992; Пахлавонов А. Педагогическая мысль таджикского народа в XVI—XVII вв.— Душанбе: Ирфон, 1995; Лутфуллоев М. Возрождение IV; IV-э II

⁵ Исо Саддик. Таърихе фарханги Ирон.— Техрон, 1970; Асад Бежан. Чашмандози тарбият дар Ирони пеш аз ислом.— Техрон, 1972.

росам просвещения в Иране. Это исследования М. Машахи, Х. Амида, А. Кани, Р. Арастега и др.

Из европейских учёных прежде всего следует упомянуть Э. Брауна, А. Кристенсена, А. Альтекара, Б. Ландсбергера, А. Арберри, Я. Рипки, Р. Фрай и др. Для нас более интересными оказались работы Э. Брауна и А. Арберри⁶. В «Истории персидской литературы» Э. Брауна вскрывается педагогическая ценность персидской литературы. Однако приходится констатировать, что Э. Браун не раскрыл нравственного значения литературных памятников доисламского периода.

Интересны мысли английского востоковеда А. Арберри, автора «Классической персидской литературы», который считает этические сочинения Средневековья непосредственным продолжением доисламской назидательной литературы.

Указанные труды посвящены изучению только отдельных аспектов истории школы и развития педагогической мысли таджикского народа до возникновения ислама.

Изучение истории воспитания, школы и педагогической мысли в прошлом, анализ основных положений педагогического наследия в разные периоды её развития свидетельствуют об огромном вкладе народов Средней Азии и Ирана, и таджиков в частности, в развитие мировой педагогической науки.

Экономическая, социальная, политическая и духовная специфика жизни народов Средней Азии и Ирана в древности наложила свой отпечаток на развитие педагогической мысли в этом регионе. Этот фактор стимулировал разработку в рамках педагогической мысли проблем, связанных с осмыслением целей и путей формирования таких индивидуумов, которые чётко знали бы своё место в жестокой социальной структуре, беспрекословно подчинялись бюрократическому аппарату восточной деспотии. Действительно, в условиях деспотизма человек не мог сформироваться как независимая дееспособная личность с менталитетом гражданина. С другой стороны, наличие сельской общины способствовало консервации представлений о воспитании народных масс, уходящих своими корнями в эпоху разложения доклассового общества. Безраздельное господство религиозного мировоззрения, что было типично для древней Средней Азии и Ирана, заставляло уделять особое внима-

⁶ Brown E. A Literary History of Persia.—Cambridge, 1964; Arberry A. Classical Persian Literature.—London, 1958.

ние проблемам религиозного воспитания, впитавшего в себя во многом и нравственное воспитание. Восточная деспотия в ранние века породила такие формы воспитания, каких почти не знала история человечества, в том числе воспитание беспрекословного подчинения и ограничения желаний у зороастрийцев через «Авесту» и систему обучения в Гундшапурской академии.

Раскрытие сущности этих и иных противоречий, а также анализ истории воспитания, школы и развития педагогической мысли таджикского народа с древнейших времён VII—VI вв. до н. э.) до возникновения ислама составляет концептуальную идею настоящего исследования.

Проблема исследования вытекает из существующего противоречия между необходимостью использования в процессе воспитания и обучения прогрессивных педагогических идей прошлого и недостаточной их изученностью историей педагогической науки.

Это и определило выбор темы исследования: «История воспитания, школы и педагогической мысли таджиков с древнейших времён до возникновения ислама».

Предметом исследования послужило историко-педагогическое наследие и письменные памятники таджикского народа с древнейших времён до возникновения ислама.

Объектом исследования явилось состояние воспитания, школы и развития педагогической мысли таджикского народа с древнейших времён до нашествия арабов.

Цель исследования заключается в выявлении общих закономерностей и специфических особенностей зарождения и развития педагогических идей, школы и воспитания с древнейших времён до нашествия арабов.

Цель исследования определила **рабочую гипотезу**:

Объективное изучение истории воспитания, школы и развития педагогической мысли таджикского народа в древние времена до возникновения ислама и построение на данной основе педагогической концепции исследуемого периода позволит восполнить пробелы в изучении проблемы и определить её значимость в становлении педагогического сознания современного общества.

Определение цели и гипотезы позволило выделить следующие **задачи**:

— выявить политические, исторические, социально-экономические и культурные условия зарождения, становления и развития Средней Азии и Ирана в древнейшие времена

до возникновения ислама, показать их влияние на процесс воспитания и развития педагогической мысли;

— определить место воспитания и школ в развитии педагогической мысли таджикского народа;

— раскрыть общие и специфические особенности воспитания, школ и педагогических идей в данный период;

— выявить наиболее распространённые и эффективные этнопедагогические идеи, методы, способы обучения и воспитания подрастающего поколения.

Методологическую основу исследования составили а) философские положения об исторической взаимосвязи общественных явлений, человеческой деятельности, об учёте исторического опыта при осмыслении современных задач в воспитании; б) фундаментальные положения педагогики о приоритете воспитания в развитии человеческой личности, роли истории педагогики в раскрытии кардинальных педагогических проблем.

Источниковедческую базу исследования составили:

1. Древние таджикско-персидские памятники письменной культуры «Авеста», «Младшая Авеста», «Динкард», «Бундахишти» и др.

2. Письменные памятники пехлевийской литературы: «Ядгар Зареран», «Карнамаки Артахшери Папакан», «Драхт асурик», «Хусрави Кавадан», «Уд Редак», «Менаги Хирад» и др.

3. Фундаментальные мысли о школьном образовании А. И. Пискунова, Н. А. Константинова, К. И. Салимовой, М. А. Арипова, И. О. Обидова, М. Л. Лутфуллоева, Х. С. Авзалова, И. А. Арабова и др.

4. Философская и историческая литература: «Таджики» Б. Г. Гафурова, «Очерки по истории таджикской философии» А. М. Богоуддинова и др.

5. Труды русских и таджикских востоковедов и литературоведов: В. В. Бартольда, А. Э. Бертельса, Е. Э. Бертельса, С. Б. Брагинского, А. Н. Болдырева, С. Айни, Р. Хадизаде, А. Афсахзода, С. Саъдиева и др.

6. Таджикская советская энциклопедия, «Гияс-ул-дугот», «Словарь педагогических терминов», «Словарь литературоведческих терминов», «Философский словарь» и др.

7. В ходе исследования были использованы следующие приёмы:

1) анализ философской и историко-педагогической литературы, фундаментальных трудов востоковедов, посвящён-

ных истории школы, воспитанию и педагогической мысли таджикского народа в древние времена до возникновения ислама;

2) изучения письменных памятников древности и пехлевийской литературы: «Авеста», «Динкард», «Хурда Авеста»;

3) отбор, систематизация и обобщение педагогических мыслей изучаемого периода;

4) сопоставительный анализ оценки педагогических взглядов, школ и народных традиций;

5) беседы и интервью в ходе встреч с историками, востоковедами, педагогами и литературоведами.

Основные этапы исследования:

1. 1989—1993 гг. — ознакомление с материалами, дающими представление о состоянии педагогической мысли таджикского народа с древнейших времён до возникновения ислама. Важно было выявить условия, способствующие творению в жизнь передовых идей обучения и воспитания, а также причины, тормозящие их развитие. Поэтому наше внимание было сосредоточено на изучении истории общественной, политической и культурной жизни Средней Азии и Ирана. Дано теоретическое обоснование изучаемой проблемы.

2. 1993—1996 гг. — установление связей между педагогической мыслью ранних веков и педагогическими взглядами пехлевийской литературы, изучение влияния передовых педагогических идей «Авесты» на педагогические идеи периода правления Сасанидов и Саманидов; рассмотрение специфических особенностей педагогических взглядов, выявление закономерностей становления школы и педагогической мысли в последующие периоды до распространения ислама.

3. 1996—1999 гг. — определение и систематизация материалов по истории школы, воспитания и педагогических взглядов, описание педагогической мысли, характерной для ранних веков, обработка и интерпретация полученного материала, оформление выводов и рекомендаций.

Научная новизна работы заключается в том, что это первое монографическое исследование по истории воспитания, школы и педагогической мысли ранних веков до возникновения ислама. Систематизирована педагогическая мысль таджикского народа с древнейших времён, проанализированы педагогические идеи древних и пехлевийских письменных памятников о воспитании человека на идеалах

человека будущего; представлена система педагогических взглядов, направленных на гармоническое развитие личности; теоретически обоснованы реальные условия и противоречия Средней Азии и Ирана в рассматриваемый период, связанные с экономическим и культурным отставанием страны и влиянием религии; рассмотрены развитие педагогической мысли и закономерности процесса обучения и воспитания подрастающего поколения в различных типах школ (храмы, монастыри, академии), а также влияние педагогических идей древних письменных памятников на становление педагогической мысли народов Востока.

Рассмотрены педагогическая мысль и закономерности воспитания подрастающего поколения в придворных школах и через пехлевийскую назидательную литературу.

Доказано влияние педагогических идей ранних веков на развитие педагогической мысли народов Востока в последующие периоды.

Практическая ценность исследования: дан всесторонний анализ истории воспитания, школы и педагогической мысли изучаемого периода, прослежены закономерности развития образования и воспитания таджикского и иранского народов в древнем мире на конкретном историческом материале и дошедших до наших дней оригинальных письменных памятниках. Анализ и оценка истории воспитания, школы и педагогических идей далёкого прошлого позволили выделить ряд рекомендаций по воспитанию и образованию молодёжи в современный период. Материалы, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при чтении лекций по истории педагогики и истории таджикского народа, при создании спецкурсов и спецсеминаров по теории и истории национальной педагогики в вузах республики, институтах повышения квалификации учителей, при создании монографий, фундаментальных исследований, научных и дипломных работ; составлении учебных пособий и программ по истории таджикской педагогики; они могут оказать помощь педагогическим и научным работникам, а также родителям в воспитании молодёжи в духе патриотизма, уважения к духовным и культурным ценностям народов Востока и Таджикистана в частности.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечена изучением разнообразных литературных источников, значительная часть терминов которых введена в научный оборот с учётом современных философских, культурологических концепций при анализе исследуемого исто-

рико-педагогического материала, а также совокупностью различных методов изучения, адекватных цели и задачам исследования.

Формами апробации результатов проведённого исследования на практике явилось обсуждение диссертации в отделе истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана (1998 г.), на заседании кафедры педагогики педагогического университета им. Джураева (1994, 1996, 1999 гг.), а также на заседании кафедры педагогики Кулябского государственного университета им. Рдукаи (1994—1996 гг.). Результаты исследования в виде сообщений и докладов излагались на научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава Кулябского государственного университета, Таджикского государственного педагогического университета, а также в лаборатории истории педагогики и национальной школы Таджикского научно-исследовательского института педагогических наук (1994—1999 гг.).

Основные выводы и положения исследования в настоящее время используются при чтении спецкурса по истории педагогической мысли народов Востока в Таджикском государственном педагогическом университете, Кулябском государственном университете и Кулябском педагогическом колледже. По материалам исследования автором подготовлены и прочитаны лекции среди учителей Хатлонской области и в Центральном институте переподготовки и повышения квалификации работников образования и методических служб в городе Душанбе.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Специфика взаимодействия социально-педагогических факторов развития Средней Азии и Ирана в древности до возникновения ислама предопределила основные предпосылки становления истории воспитания, школы и развития педагогической мысли таджикского народа исследуемого периода; возникновение и формирование пехлевийской и манихейской дидактической литературы назидательного характера способствовали совершенствованию учебно-воспитательной работы в школах различного типа (храмах, монастырях, Гундишапурской академии, гимназиях) и распространению через них педагогической мысли среди народа. Негативные аспекты становления и развития педагогической мысли обусловлены отсутствием в Средней Азии и Иране в ранние века государственной системы образования и сильным влиянием зороастрийского духовенства на

обучение и воспитание молодого поколения, господством древних предрассудков и других отживающих систем, против чего выступали прогрессивные деятели и мыслители.

2. На основе процесса взаимодействия народной педагогики, педагогических идей «Авесты», пехлевийской литературы назидательного характера развивалась новая прогрессивная педагогическая мысль, оказавшая сильное влияние на процесс обучения и воспитания подрастающего поколения.

3. Педагогические идеи письменных памятников — «Авесты», «Динкарда», «Хурда Авесты» и пехлевийской назидательной литературы — подняли на новую ступень развитие личности посредством умственного, нравственного, духовного, физического и трудового воспитания молодёжи.

4. Педагогические идеи письменных памятников пехлевийской литературы в ранние века до возникновения ислама способствовали становлению процесса обучения и воспитания в учебных заведениях того времени. Избранные ими методы, средства обучения и воспитания явились предпосылкой научно обоснованного подхода к решению проблем теории воспитания и дидактики.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения и списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении определены предмет, цели и задачи диссертационной работы; обоснованы актуальность, новизна, научная и практическая значимость темы диссертации; дана характеристика методологических основ исследования; дан обзор источников и историографии исследуемой проблемы.

Глава 1 «Отражение педагогических идей в священной книге зороастризма «Авесте» посвящена исследованию педагогических идей далёких предков таджиков и персов в памятнике древнеиранской письменности «Авеста», особенностей генезиса и эволюции педагогической мысли таджикского народа в ранние века истории общества. Глава состоит из четырёх разделов.

В первом разделе «Возникновение первоначальных педагогических знаний и авестийского алфавита» рассмотрены педагогические идеи древнего периода в «Авесте» — крупном религиозно-философском памятнике древнего Ирана и

Средней Азии, авестийский алфавит, а также влияние фольклора на развитие педагогической мысли.

Под названием «Авеста» в научной и литературной традиции подразумевается сборник священных текстов зороастрийской религии, дошедших до нас фрагментарно. Зороастризм как религия возник в VII—VI вв. до н. э. и постепенно распространился по территории современной Средней Азии, Ирана, Афганистана и Закавказья. Эсхатологическая идея зороастризма основана на принципе дуализма, якобы господствующего на земле и выражающегося в непрерывной борьбе добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти, в которую вовлечены человек и все живые существа. Однако человек в этой борьбе, согласно религии зороастризма, — не просто кукла в руках верховных сил, а свободная личность, обладающая правом выбора своей судьбы, способная силой воли и разума влиять даже на существующий мировой порядок. Вечным двигателем добра и мировой справедливости во вселенной является божество Ахурамазда, антиподом которого выступает демон Анхара-Манью, воплощающий в себе зло и мировую несправедливость.

«Авеста» — это в общем и целом философско-религиозная книга. Вместе с тем, в ней нашли своеобразное отражение элементы народной педагогики. В текстах «Авесты» воспеваются справедливые богатыри и вожди. В её баснях содержатся житейская мудрость народных масс и сказочные сюжеты правоучительного содержания.

«Гаты» считаются самой древней частью «Авесты». Из 72 глав «Ясны» 17 составляют «Гаты» («Песни») пророка Заратуштры — основателя зороастризма. Гаты состоят из следующих частей: 1. Ахунавата гата. 2. Уштавати гата. 3. Спентамани гата. 4. Вохуаштри гата. 5. Вахиштайшти гата. «Гаты» были сочинены в период возникновения учения зороастризма, и появление первоначальных педагогических мыслей и понятий тоже относится ко времени появления «Гатов». Например, такие нравственные понятия, как «правда», «справедливость», «честь», «совесть», «добро», «зло», «свет», «тьма» и прочие, впервые упоминаются в «Гатах».

Из общего содержания гат складывается моральный кодекс человека-труженика, творца всех материальных благ на земле. Человек обязан полностью исключить ложь и лицемерие из своих поступков и отношений с ближними. Он не должен зря проливать кровь полезных животных, особен-

но тех, кто помогает ему в сельскохозяйственном труде. Он должен честно трудиться и добросовестно исполнять обязанности, возложенные на него верховной властью и обществом, в котором он живёт.

Кроме перечисленных нравственных категорий, в текстах «Авесты» упоминаются физические, трудовые, эстетические, экологические и другие понятия, которые олицетворяют всестороннее развитие личности.

В этом же разделе прослеживается возникновение авестийского алфавита и делается попытка установить время написания «Авесты». Ведь составление алфавита и обучение грамоте побудили развитие педагогических идей.

Появление авестийского алфавита западные исследователи отнесли ко времени правления Сасанидов. Позже некоторые из них изменили свою точку зрения. Известный востоковед В. В. Бартольд тоже признал это предположение ошибочным. Впоследствии было доказано, что «Авеста» написана на языке, близком к согдийскому и бактрийскому языкам, и в III в. до н. э. на письме использовался семитский шрифт с согласными буквами. Прочитать письмо такого характера было очень сложно. Читателю было необходимо почти наизусть знать текст. Влияние согласных давало ему возможность запомнить текст. Постепенно количество гласных букв в письме увеличилось.

До создания современного авестийского алфавита, на котором написаны дошедшие до нас рукописи «Авесты», существовали авестийские тексты, написанные арамейским безгласным шрифтом, широко употребляемым в Иране и Средней Азии с VI по I век до н. э. По среднеперсидской зороастрийской традиции считалось, что свод книг «Авесты» существовал ещё при Ахеменидах и был уничтожен при вторжении Александра Македонского, а позже аршакидский царь Валахш приказал собрать остатки авестийских текстов и то, что сохранилось в устном обиходе жрецов. Согласно той же традиции, рассеянные авестийские тексты окончательно были собраны воедино при Ардашире I и Шапуре I.

Позже авестийский алфавит был выработан на основе пехлевийского курсива, представляющего собой усовершенствованное письмо, возникшее на базе арамейской письменности. Авестийский алфавит имел значительно большее количество букв, в том числе 14 для обозначения гласных звуков.

Авестийский алфавит, очевидно, был создан в VI в., скорее всего при Хосраве I (531—579). К этому времени относятся дошедшие до нас тексты «Авесты». Более ранние записи причисляются к концу XIII и началу XIV вв.

Наличие алфавита и написанных на нём текстов «Авесты» свидетельствуют о том, что в ранние века иранские племена уже имели свою письменность и своеобразную культуру.

Впервые понятия о добре, зле, правде, справедливости, трудолюбии, патриотизме, красоте, чистоте, скромности, трудолюбии и др. были выражены в книге зороастрийской религии «Авеста». Другими словами, в «Авесте» отражён комплекс первоначальных педагогических знаний предков таджиков и персов. Высокоморальная триада: «добрая мысль», «доброе слово», «доброе дело» — и была первоначальной идеей, которая в последующие века составит основу десятков назидательных и дидактических книг таджикских и персидских мыслителей.

Триада «добрая мысль», «доброе слово», «доброе дело» обязывает зороастрийца всю свою жизнь собирать благие мысли, слова и дела.

Мысли или сознание в нравственном учении Заратуштры поставлена на первое место, так как сознание руководит поведением человека и формирует его нравственно. Без сознательного отношения к любому делу духовные качества никогда не станут составной частью поведения личности и не внедрятся в жизнь и практическую деятельность человека. Это подводит к выводу, что поведение личности связано с его сознанием. Поэтому первоначальная мысль должна служить целям Добра, чтобы слово и дело человека совпали.

Много сведений о генезисе и эволюции педагогической мысли таджикского народа содержится в устном народном творчестве. Героический эпос, сказки, песни, рассказы, загадки и пословицы имеют педагогическую направленность. Фольклорные жанры, отражая исторический опыт, мировоззрение, положительные качества людей и их эстетические нормы, выполняют воспитательные функции в различные исторические периоды. Другими словами, фольклор аккумулирует народный опыт в области воспитания. Неисчерпаемо богаты воспитательные темы таджикского фольклора: преданность и любовь к Родине; честь и достоинство семьи, родного очага; воспитание молодого поколения в лучших традициях отцов, любовь к труду; уважение старших, ра-

душе и гостеприимство; честность и бескорыстие; духовное благородство; верность в любви; преданность в дружбе и т. д. Народ воспевае подвиги героев, возмечивает храбрость, доблесть, мужество, отвагу, осуждает трусость, подлость; клеймит позором вероломство, предательство.

Особенно отчётливо звучит в таджикском фольклоре тема трудового воспитания. Ведь в труде раскрываются лучшие нравственные качества человека. Поэтому истинную цену ему знает только человек, испытавший радость труда, его облагораживающее влияние. Лодыри и бездельники, как правило, — духовно нищие люди. Однако в обществе, где незначительное меньшинство пользуется всеми благами, «труженик, а плоды своего труда не вкусил». В народе всегда зрел протест против этой несправедливости, и он вынес чёткое и определённое решение: «Кто работает — тот ест».

Чванливость, бездушие, высокомерие богачей вошли в поговорку: «Богатый в гости к бедному не пойдёт», «Сытый голодного не разумеет», — говорит народ. Горька доля бедняка. Кажется, что все беды мира сваливаются на его голову («Град всегда в одном месте выпадает»).

Великодушие и щедрость, бескорыстие и правдивость, благородные представления о чести и долге, патриотизм и чувство собственного достоинства — все эти и другие нравственные качества отличают человека из народа («Душа бедняка широка»).

Истинно народные педагогические понятия о труде и чести, патриотизме и дружбе, добре и зле, правде и лжи, знаниях и невежестве и другие носят общечеловеческий характер и существуют у разных народов мира. Пословицы гласят: «Всё хорошо новое, а друг — старый» (таджикская), «Старый друг лучше новых двух» (русская), «Верного друга не продают за тысячи» (арабская), «Одежду хвали новую, а друга старого» (башкирская), «Приобретай нового друга, да не забывай старого» (грузинская). Таким образом, в ранние века на основе наблюдений и жизненного опыта появилась народная педагогика. Поэтому древнюю педагогическую мысль периода её возникновения можно рассматривать как педагогику народную. В последующие периоды развития общества, производительных сил и общественных отношений первоначальные педагогические идеи и понятия переходят в письменные памятники, в том числе — в «Авесту».

Во втором разделе — «Отражение педагогической мысли в «Авесте» — исследованы первоначальные педагогические категории, дан анализ некоторых нравственных понятий (правдивость, праведность, порядок, ложь, зло и т. д.).

Судя по общему контексту «Авесты», лучшие проявления человека означают духовное его развитие (совершенство) в пределах известной триады зороастризма: Благая мысль, Благое слово и Благое дело.

В природе каждого человека потенциально заложена в виде разума или же совести сила, благодаря которой он развивается и совершенствуется как физически, так и духовно. Поэтому в зороастрийской нравственной концепции не прекращается борьба двух противоположных начал — Добра и Зла. С этой точки зрения, важно наличие противоборствующих сторон в природе и обществе, в центре которых стоит человек.

Именно человек через физическое и нравственное совершенствование познаёт сущность этих противоположностей. В зороастризме главенствующая роль отводится нравственности и эстетическим понятиям.

В «Авесте» процесс совершенствования представлен в виде полного круга, половина которого называется «лестница нисхождения» («кавси нузул»), а вторая половина — «лестница восхождения» («кавси сууд»). В каждом полукруге по три ступени. Человек, стремящийся к духовному совершенству, должен пройти все эти ступени. Средствами достижения индивидуального спасения в Добре являются не столько обряды, молитвы и жертвоприношения, сколько праведный образ жизни, предписанный истинной верой. Основной стержень указанного круга составляют Благие мысли, Благое слово, Благое дело.

В «Авесте» подчёркивается, что человек, желающий очистить свою душу, сбросить с себя мирской груз (отрицательные качества), восходя по ступеням развития, совершенствуется.

Правдивость, праведность, порядок, воплощение правды составляют суть процесса развития. Например, в 39 «Ясне» Заратуштра подчёркивает, что основу зороастрийского учения составляет правдивость (рости). 54-я «Ясна» гласит: «...О, великий Ахура Мазда, бери нас под своё покровительство, направь нас на путь правды, чтобы нам улыбнулись Благие дела и Благие мысли». В «Виспарде» ещё чётче выражена эта просьба: «Мы восхваляем и передаём привет священному слову правды, которая всегда побе-

дит ложь». Как бы продолжая эту же мысль, древнегреческий философ Пифагор пришёл к выводу, что в зороастризме «правда равняется на Бога».

Путь к правде должен держать каждый последователь зороастризма; ибо только правда приведёт человека к конечной цели — истинному счастью. Например, в разделе III части 24 «Виспарада» чётко обозначена суть проблемы правды и порядка в обществе: «В этом мире существует одна дорога, прямая, но суровая, она приведёт человека к истине и счастью».

Личность в процессе приобщения к правде достигает и других нравственных высот. Поэтому зороастризм считает правду и благую мысль основными стимулами развития личности. Если в человеке проявляются оба эти качества, то на практике они реализуются тоже в соответствии с законами правды. По этому поводу в 18 части 44-й строфы «Ясны» Заратуштра заявляет: «Тем, кто последует за мной, обещаю всё лучшее, что есть у меня, но тем, кто против меня, буду врагом».

В «Авесте» обозначены следы простой и здоровой морали, а именно: её стихи возносят святость этических норм человека.

Счастье человека Заратуштра видит в уважении к труду, к людям труда: «Счастье улыбнётся тому, кто постоянно трудится и стремится к работе».

В третьей главе «Вандидода» одобряется построение жилья, создание семьи, воспитание детей, привитие людям таких трудовых навыков и умений, как посадка растений и деревьев, орошение и обработка земель: «Тот, кто обрабатывает эту землю левой рукой и правой, правой рукой и левой, тот воздаёт (земле) прибыль. Это поистине подобно тому, как любящий муж дарует сына или другое благо своей возлюбленной жене, покоящейся на лёгком ложе».

Ахура Мазда обращается к Заратуштре со словами: «Тому, кто будет обрабатывать эту землю своими руками и сеять хлеб, земля воздаёт большую прибыль. Того, кто не обрабатывает землю и не сеет хлеб, земля проклинает».

Привлекает внимание то, что эстетические представления тесно увязываются с повседневной реальной жизнью людей. Так, в «Авесте» символ красоты Анахита предстаёт в образе земной женщины. Красота и свет её лица сияют, словно лучи Солнца. В 64 пункте 16-й части «Ардвисур-яшт» «Авесты» так описывается красота и облик Анахиты:

*И устремилась к нему Ардвисура Анахита
В образе девушки прекрасной,
Сильной, стройной,
Высоко подпоясанной, прямой,
Знатного рода благородного,
От лодыжки и ниже была она обута
в блестящие сандалии,
Стянутые золотыми лентами».*

(Перевод И. С. Брагинского)

Ещё рельефнее переданы красота и сияние Анахиты в 127-пункте 30-й части вышеуказанного яшта:

*Ожерелье носит благородная
Ардвисура Анахита
На прекрасной шее,
Стягивает она стан свой,
Чтобы её груди были прекрасной формы,
Чтобы были они привлекательны».*

(Перевод И. С. Брагинского)

Это говорит о единстве формирования первоначальных представлений о красоте и добре, т.е. о единстве эстетических и нравственно-эстетических категорий, которые по-гречески называются «колологатиями». С формальной точки зрения, первоначальное представление о красоте возникает параллельно с другой важной категорией — «гармонией». Воспевание Заратуштрой в гатах Бога называют поэтическим словом. Первоначальные эстетические представления зачастую риторично отражаются в текстах «Авесты». Реальное отражение действительности складывается из реалистических элементов и сходно с подражанием природе, которая в свою очередь является ядром категории «мимезис» («древнегреческое эстетическое подражание»).

Согласно учению зороастризма, человек обязан содержать себя безупречно чистым и внешне, и внутренне. Обладая способностью мыслить и действовать, он должен также ревностно заботиться о чистоте окружающей среды. Вот некоторые из основных предписаний зороастризма: сохранять землю плодородной и незагрязнённой, выращивать растения и деревья, ухаживать за животными.

В «Авесте» говорится, что чистота должна быть везде: в космосе, на земле, деревьях, растениях, в реках, озёрах, даже в глазах и на щеках женщины. Все эти эстетические

тические и экологические понятия отрижены в структуре духовно-психологического учения «Авесты». Согласно этим наставлениям, психологическая структура человека состоит из пяти сил.

Первая духовная сила человека называлась «фарахара» и означал «божий», «наследственный». Говоря другими словами, это сила, которая идёт от Бога. Она руководит личностью в движении к совершенству (развитию).

Вторая сила называется ядром бытия или «душой». Её задача состоит в защите и содержании в чистоте тела.

Третьей силой считалась совесть, задача которой — умение различать добро и зло.

Четвёртая сила — это память. Она управляет поведением и действиями личности.

Пятая сила — равноправие всех людей.

На основании вышеуказанной духовно-психологической структуры личность должна неуклонно двигаться по пути к совершенствованию своих нравственных качеств и обеспечить себе счастье.

Человек приобретает положительные морально-этические качества, совершенствуется до такой степени, что ему будет под силу совершать «Благое дело», «Благое слово», «Благие мысли», триаду, составляющую основной стержень доисламских интеллектуальных традиций народов Востока.

Третий раздел — «Пути и средства воспитания в «Авесте» — посвящён раскрытию путей и важнейших средств воспитания.

Согласно учению «Авесты», воспитанию уделяется внимание уже тогда, когда ребёнок находится в утробе матери. Вопросы материнства и детства, предполагающие нормальное вынашивание и рождение здорового ребёнка, гигиену беременной женщины и профилактику женских болезней, занимают важное место в «Авесте».

Предки таджиков и персов с момента рождения приступали к уходу за новорождённым и воспитанию младенца. В момент рождения его поили несколькими каплями хаома (культовый напиток из сока растения эфедры, смешанного с молоком), чтобы ребёнок рос умным, честным и воспитанным.

Материнское молоко мальчики получали минимум 1,5 года, а девочки 15 месяцев. После достижения этого возраста малыши питались коровьим и овечьим молоком, а также соками различных растений и фруктов. До семилетнего возраста воспитанием ребёнка занимались в основном

женщины. Когда ребёнку исполнилось семь лет, отец обязан был отдать его в школу (дабистан). По этому поводу в «Авесте» говорится: «Если у тебя есть несовершеннолетний ребёнок, отдавай его в школу, потому что знания — это свет глаз».

Обучение начиналось рано, видимо, с семи лет и до появления алфавита было устным. В основном оно состояло из ознакомления с обрядами и положениями веры, овладения искусству импровизации стихов, призыва богов и их восхваления, заучивания наизусть великих мантр, сложенных ранее мудрецами.

Начальное обучение для всех детей было одинаковым. Программа начального обучения состояла из заучивания отдельных фрагментов «Авесты», чтения, письма и счёта. Дети писали на бычьих кожах и на глиняных дощечках. Тогда не было учебников и учебных пособий, поэтому большое внимание уделялось развитию памяти учащихся.

Большое значение придавалось физическому воспитанию. Детей обучали стрельбе из лука, метанию копья, верховой езде, ходьбе, охоте и т. д.

Вопросы религиозного воспитания в «Авесте» занимают центральное место. Когда ребёнку исполнилось семь лет, его отводили к жрецу для дальнейшего воспитания и обучения. Именно в это время устраивался праздник «нузуд» или «нучут», т. е. «новый исполнитель молитв». Каждый зороастриец в возрасте от семи и до пятнадцати лет обязан был принять участие в таком празднике, надев священную рубашку и пояс. Священная рубашка и пояс были символом покорности Богу и готовности к самостоятельной жизни. Во время праздника устраивались священные купание. После купания ребёнка отводили в дом, где собирались родители, родственники и друзья. Затем был приём в честь нового зороастрийца. Перед его началом ребёнка одевали в священную рубашку, и он произносил клятву. Эта церемония проходила следующим образом. По знаку жреца ребёнок повторял клятву и произносил хвалебную молитву Ахуре Мазде. После совместного повторения некоторой части религиозного текста мальчик а жрец читали молитву во здравие присутствующих. Затем мальчик самостоятельно произносил текст о признании религии зороастризма. В конце церемонии жрец ещё раз произносил молитву и отдавал священную рубашку и пояс мальчику. После напутственных слов он напоминал мальчику значение благой мысли, благого слова и благого дела.

В зороастризме сотворение мира тесно связывалось с нравственными нормами поведения личности. Обучение и воспитание были традиционными. Это отражено в трудах мыслителей Востока о Добре и Зле. Это есть первая ступень развития личности.

Второй ступенью развития личности по зороастрийской традиции является «Воху Мана», или «Бахман», что означает «благая мысль», т. е. путь освоения знаний и науки. Благая мысль способствует умственному развитию и приближает человека к Богу.

Третья ступень развития или воспитания совершенной личности называлась «Хшатра вайра», или «Шахривар». Это означает, что каждый человек должен трудиться на благо народа. К примеру, земледельцы и скотоводы должны укреплять благосостояние своей семьи и всех людей, направляя усилия на выполнение добрых дел.

Четвёртая ступень воспитания совершенного человека называется «Спента Армаити», или «Испандармуз», т. е. скромность и чувство ответственности. Каждый человек должен чувствовать ответственность за судьбу своей Родины, любить, быть любимым и приумножать богатство. На этой ступени развития личность завершает овладение полными знаниями.

Пятую ступень называли «Хоуртат», или «Хурдод». Эта ступень обеспечивала физическое развитие человека как необходимую основу нравственного совершенствования. Развитие личности на этой ступени предполагало физическую закалку.

Последняя, шестая ступень, называется «Амертат», или «Умрдод», что означает вечный. Личность, достигшая этой ступени развития считалась совершенной, мудрой и счастливой.

Преодолев шесть нравственных ступеней, счастливая личность должна была обладать и семью нравственными качествами. К таковым относятся:

- 1) вера в незыблемость единственного бога Ахуры Мазду;
- 2) следование в повседневной жизни триаде: благая мысль, благое слово и благое дело;
- 3) неуклонное соблюдение принципов правдивости и справедливости;
- 4) забота о поддержании сил для преодоления трудностей жизни и овладения знаниями в процессе трудовой деятельности;

5) забота о своём здоровье. Каждый должен содержать здоровым тело и укреплять дух для того, чтобы быть полезным обществу;

6) уважение друг к другу и любовь к жизни;

7) признание истины, т. е. справедливость.

Учебно-воспитательная работа зороастрийцев была сосредоточена при канцеляриях местных правителей и храмах огня. Поэтому методы и способы воспитания были различными. Отсюда существование различных школ. В древних школах процесс обучения осуществлялся в соответствии со следующими принципами: жизнь ученика в доме учителя; большой авторитет и уважение к учителю; отсутствие у учителей зарплаты; железная дисциплина; контроль за чувствами и желаниями учащихся; устная форма обучения и т. д.

Основным предметом изучения были гаты «Авесты», а также литературное наследие. Знание этих произведений отражается в термине «vidya». Термин «vidya» происходит от известного глагола «vid — знание» и в санскрите означает «наука», «знание».

Понятие «vidya» тесно связано с понятием «vinaua», т. е. «воспитание», «поведение», «руководство». Зороастрийцы были уверены, что овладение наукой достигается посредством vinaua.

Значение слова «vinaua», т. е. получение знаний в «Авесте» разъясняется следующим образом: «От слушания происходит мудрость, от мудрости — практика, от практики — самосовершенствование».

В четвёртом разделе — «Нравственная суиность «Авесты» — рассмотрены наиболее важные положения, принципы, нормы, нравственные понятия и их воспитательное значение.

«Авеста» как религиозный кодекс не занимается теорией добра и зла, а призывает к выполнению и соблюдению определённых норм, правил, которые могут стать путеводителем к добродетельности и помогут избежать безнравственных поступков.

Мораль «Авесты» — это и есть совокупность норм и правил поведения, выраженных и ниспосланных в виде откровений. Если поглубже вникнуть в философскую логику «Авесты», то можно постичь, что человек в ней воспринимается как заместитель Ахуры Мазды на земле, он разумное, живое и богоизбранное существо. Поэтому человек, познавая Ахура Мазду, должен подражать ему, следовать

его атрибутам, качествам, где разум и мораль, индивид и общество, природа и человек в конечном счёте выступают как части единого целого и взаимосвязанного. И вера выступает как форма познания действительности, а мораль — как практическое действие. Суть познания и вера в Ахура Мазду — это усвоение Его свойств и атрибутов (жизнь, вечность, союз, сила, истина, красота, любовь, справедливость, великодушие и др.), смысл которых заключается в том, что человек в процессе общения или общественных отношений, решения семейных, коллективных, нравственных, социальных и других вопросов в обществе должен следовать добру (справедливости, честности, щедрости, правдивости), не должен быть злоязычным, грубым, допускать оскорбление и унижение достоинства других. Не надо быть злопамятным по отношению к другим, доброе слово и доброжелательность — это самые привлекательные нравственные качества людей.

Суть нравучений «Авесты» — это призыв к справедливости, доброжелательности, щедрости по отношению к другим людям. «Авеста» утверждает, что человек должен стремиться к единству дела, слова и мысли, т. е. практика и теория, действия и взгляды, слова и дела — все эти три аспекта деятельности человека: действие, слово, помыслы разделяются «Авестой» на добрые и злые начала, бытующие в человеке.

«Авеста» не предписывает отказ от земных благ, наоборот, она призывает наслаждаться богатством и благополучием, но не злоупотреблять ими. Идти по прямому пути — значит быть честным, справедливым, трудолюбивым, чистоплотным, активным, т. е. совершать добрые дела, пить и есть умеренно, без излишеств, одеваться красиво.

Согласно «Авесте», справедливость — это чуткое отношение ко всем людям, их поступкам и чести, а также наказание и оценка поступков, спасение и оказание помощи, справедливое решение спорных вопросов, защита чести и достоинства детей и женщин, стариков и больных, честное соблюдение и исполнение своих обязательств перед семьёй и обществом, выполнение своих обещаний, честность при заключении договоров, невзирая на то, с кем они заключены, — с зороастрийцами или представителями другой веры, молодым человеком или старцем.

В «Авесте» зороастрийцы призывают не опускаться до ненависти, побуждающей нарушать границы справедливости. Об этом сказано:

*Страну разрушит подлый,
Тот, кто не держит слова, —
Он хуже ста мерзавцев
Благочестивых губит.
Будь верен договору,
Как верен был Спитама:
И лживым иноверцам,
И верным в благочестии, —
Ведь слово договора
Принадлежит обоим:
И лживым, и правдивым.*

(Перевод И. М. Стеблин-Каменского)

«Авеста» наставляет зороастрийцев никогда не проливать кровь, не губить, не оскорблять своих родителей, соседей, соплеменников. Молитва и вера в Ахура Мазду теряют своё значение, если не соблюдаются нормы духовной культуры. Об этом сказано:

*Негодны, не достойны
Все жертвы и молитвы,
Которые приносят
Душе Быка те люди,
Что почитают девок,
Пролитием напрасным
Что проливают кровь.*

(Перевод И. М. Стеблин-Каменского)

Особенности морали «Авесты» — это единство религиозных и гражданских норм и правил поведения человека, которые сдерживают гордыню, гнев, ненависть и лживость в человеке; под угрозой наказания Ахура Мазды мораль требовала соблюдения справедливости и чистоплотности, воздержанности и доброжелательности по отношению друг к другу, объективного решения социальных и правовых, семейных и коллективных вопросов. Особое значение придавалось следующим принципам морали:

- вера в Единство Ахура Мазды;
- забота о детях и жене;
- доброта и дружба с людьми;
- исполнение завещаний, договоров и обязательств;
- правдивость и справедливость;

- милость и приветливость;
 - доброжелательность к невольникам, жителям, больным;
 - жертвования на добрые дела;
 - почтение к родителям, родственникам, старикам;
 - сдержанность в разговоре.
- К формам проявления зла «Авеста» относит:
- неверие в Ахура Мазду;
 - воровство, вражду, гнев, гордыню;
 - несоблюдение завещаний, договоров;
 - убийство людей и животных;
 - лицемерие, стяжательство, насмешки, прелюбодеяние, мерзость;
 - разбойничество, угон скота, расточительность;
 - жестокость к рабам, невольникам, сиротам и др.

Глава II «Общественно-политическая жизнь и состояние педагогической мысли в период правления Ахеменидов» состоит из трёх разделов, в которых исследуются важнейшие аспекты педагогической мысли периода правления Ахеменидов, цели, содержание, формы воспитания и обучения, а также даётся характеристика системы обучения и воспитания того периода в целом.

В первом разделе «Общественно-политическая и культурная жизнь в Ахеменидский период» рассмотрены наиболее важные особенности общественно-политической и культурной жизни указанного периода, разработка и реализация реформ и преобразований в различных сферах общественной жизни.

Ахеменидская держава просуществовала более 200 лет и сыграла важную роль в истории Востока. Те экономические, политические институты, культурные традиции, которые возникли в Ахеменидский период, сохранялись и в более позднее время в государствах парфян, Сасанидов и среднеазиатских народов. В этот период произошли большие социальные изменения: были созданы единая государственная денежная и налоговая системы, административное деление государства на сатрапии, канцелярия с использованием единой общегосударственной письменности — арамейской. Была создана государственная почта, реконструированы старые караванные дороги и построены новые. Было разработано общегосударственное законодательство.

Вхождение Средней Азии в состав Ахеменидского государства способствовало развитию культуры, науки, школы и педагогической мысли. Культурные традиции Ахеменид-

ского периода оказали большое влияние на развитие культуры и науки периода эллинизма, парфянского государства и господства Сасанидов.

В период Ахеменидов народы Средней Азии и Ирана создали свою оригинальную и высокоразвитую цивилизацию. Одним из великих её достижений является древнеперсидская клинопись, в которой насчитывается всего 43 знака в отличие от аккадской клинописи с её 600 знаками.

Другим достижением этой цивилизации является древнеперсидский календарь (VI в. до н. э.). Это был лунный календарь, который состоял из 12 месяцев по 29 или 30 дней. Двенадцать лунных месяцев — это 354 дня в году.

Надписи Ахеменидских царей являются древнейшими письменными памятниками народов Средней Азии и Ирана. Они дают нам ценные сведения о развитии педагогической мысли и воспитательных традициях наших предков. В них мы обнаруживаем элементы назиданий нравственной и эстетической направленности, эпизоды обучения и воспитания молодого поколения в те далёкие времена.

Достижения Ахеменидской империи в административных, хозяйственных, политических областях и её воспитательные традиции сыграли большую роль в истории народов Востока, затем в период эллинизма и Сасанидского государства.

Второй раздел — «Цели, содержание, формы воспитания и обучения в период Ахеменидов» — посвящён изучению содержания, целей, воспитательных традиций и обрядов Ахеменидского периода.

Зарождение имущественного и социального неравенства, постепенное дробление общин на семьи, превращающиеся в самостоятельные хозяйственные ячейки, обусловило изменение характера воспитания, которое из всеобщего, равного, контролируемого общиной стало превращаться в семейно-сословное.

Воспитание в Ахеменидском государстве осуществлялось в неинституализированных формах, в процессе повседневного общения представителей старшего и младшего поколений. В основе их педагогического идеала лежал труд как высшая социальная и нравственная ценность.

Воспитание зарождавшихся привилегированных социальных групп существенно отличалось от воспитания детей и подростков основной массы общинников. Будущие жрецы получали интеллектуальную подготовку, осваивали религиозные ритуалы и знания, считавшиеся священными, а, сле-

довательно, были недоступны для «непосвящённых» войны проходили специальное военное обучение. Расслоение общества приводит к расхождению целей воспитания, а также ценностных ориентиров у различных социальных групп. Конкретно педагогические идеалы перестали быть обязательными для всех, постепенно утрачивая свою универсальность.

Семейное воспитание, являющееся основной формой педагогической практики согдийцев, хорезмийцев, бактрийцев, не могло обеспечить потребности общества в образованных людях, умеющих читать и писать, владеющих основами математики и астрономии, сведущих в законодательстве; образованные люди были необходимы для чёткой организации работы громоздкого Ахеменидского государственного аппарата, для управления храмовым и царским хозяйством. Это внесло существенные изменения в практику передачи знаний и потребовало особой организации обучения, дополнявшего семейное воспитание. Появились социальные учреждения — дабиристаны (школы).

Возникновение дабиристанов (школ) способствовало развитию письменности. Овладение древними системами письма (клинопись, иероглифы и т. п.) было сложным и трудоёмким процессом, требующим специального длительного обучения. Грамотность являлась необходимым элементом образования чиновников, жрецов, землемеров и т. п. В свою очередь, письменность обеспечивала возможность создания более эффективных методов преподавания, не ограниченных рамками устных повторов и словесных инструкций.

В период Ахеменидов воспитание и обучение молодого поколения преследовали следующие цели:

1. Общинное и племенное воспитание.
2. Воспитание личности и развитие её умственных и физических способностей.
3. Экономическое воспитание и обучение различным ремёслам для того, чтобы молодые люди имели возможность участвовать в процессе производительного труда.

4. Патриотическое воспитание, выполнение военных и физических упражнений.

Таким образом, Ахемениды добивались достижения трёх основных целей: общественного, индивидуального воспитания и обучения разным ремёслам. Целью общественного воспитания было выполнение таких задач, как соблюдение

установленных правил поведения, уважение старших, повиновение шаху, местным чиновникам и т. д.

Целью индивидуального воспитания являлось выполнение тех задач и действий, которые обеспечивали счастье воспитуемого в будущем.

Целью профессионального воспитания была подготовка большинства детей и подростков к службе в аппарате управления и армии.

В содержание обучения входили чтение, письмо, счёт, астрономия, риторика, медицина и т. д.

Начинающие писали на плитках известняка и обломках керамики.

Много внимания уделялось арифметике и геометрии. Здесь главную роль играли практические задачи (исчисление земельных площадей, налогов, требуемых объёмов строительных материалов, количества продовольствия для раздачи работникам и прочее). При этом общих теоретических объяснений не давали, требовали только заучивания примеров и умения применять их на практике. Платон с одобрением отмечает, что на Востоке много детей изучает математику уже в ходе начального образования, причём это делается с помощью игровых моментов.

Основным материалом для чтения в школе служили яшты «Авесты», назидательные андарзы, поучения, составленные учителями. Учебные материалы часто содержали живое, иногда сатирическое изображение многообразных человеческих занятий, образцы различных оборотов и стилей, жанров письменных текстов (чиновничий рапорт, частное письмо и прочее), а также редписания, касающиеся поведения учеников (послушание, сосредоточенность, прилежание и т. д.).

Кроме того, учеников обучали хорошим манерам и искусству ведения спора, устной речи, умению выступать в совете правилам этикета при дворе, умению толково ответить тому, кто к вам обращается, возразить автору письма и проч.

В третьем разделе — «Система обучения и воспитания эпохи Ахеменидов» — исследованы факторы, которые определяли характер и специфику педагогических идей; раскрыты вопросы физического, трудового, нравственного, патриотического воспитания и военной подготовки; проанализированы программа обучения и воспитания, рассмотрены взаимоотношения учителя с учениками, показана роль зо

роастрийской религии в воспитании молодого поколения предков таджикского народа.

В Ахеменидской эпохе образование являлось монополией зороастрийского жречества. Обучение и воспитание осуществлялись через дабистоны, дабиристаны и фархангистаны. Вся деятельность этих учебно-воспитательных учреждений была направлена на обеспечение религиозного образования и воспитания, а также пропаганду и распространение зороастризма.

Дабистаны и дабиристаны открывались главным образом при небольших сельских и городских храмах огня, а иногда в домах жрецов. Основать дабистон или дабиристан для зороастрийцев всегда считалось богоугодным делом, потому что главной целью преподавания было научить ребёнка чтению священных текстов и необходимых молитв. Дабистаны содержались на средства храмов, на пожертвования родителей и различных «благодетелей».

В дабистанах обучались в основном дети ремесленников, чиновников торговцев и священнослужителей. Не запрещался доступ в них детей земледельцев, но затраты на обучение многим из них были не под силу. Из-за этого крестьяне были вынуждены оставлять своих детей дома, чтобы использовать их на сельскохозяйственных работах и в домашнем хозяйстве.

Во второй половине VII в. до н. э. в Средней Азии и Иране появляется алфавит клинописи (мехи) с 39 буквами. Этими буквами писали на скалах, камнях, дереве и железе. В середине VI в. до н. э. клинопись перестала удовлетворять требованиям делопроизводства, поэтому вместо неё появился арамейский алфавит, который постепенно преобразовался в пехлевийское письмо. Клинописью писали слева направо, а пехлевийскими буквами — справа налево.

В наскальных надписях Персополиса и Бехистуна, а также письменном наследии Сасанидского периода приводятся факты, цифры, количество, масса, объём, названия городов и сообщается, что детей обучали арифметике, астрономии и географии.

В Ахеменидский период цифры писали как при клинописи: слева направо. Например:

∇ ∇ $\nabla\nabla$ $\nabla\nabla$ $<$ $<$ $<<<$ $>$ $>$
 1 2 3 4 10 20 30 100 200

Во времена правления Аршакидов и Сасанидов изображение цифр изменилось: стали писать справа налево:

40 30 20 12 11 10 5 4 3 2 1
 3 000 2 000 1 000 300 200 100

Для письма использовали глиняные плитки, железо и кожу животных. Основными методами обучения были переписывание и заучивание наизусть учебного материала, религиозных притч, легенд и рассказов мифологического содержания.

Придавалось огромное значение умению слушать учителя и собеседника, т. к. в древности считали, что слушание развивает способность к послушанию. Услышанное должно было дойти до сознания слушателя, проникнуть в его сердце, т. к. средоточием разума считалось сердце. Именно внутреннее, «сердечное» понимание, согласие мнению древних, определяло успех воспитания или его неудачу: «Сердце — вот то, что делает человека послушным или подобным тем, кто не повинуется. Жизнь, здоровье и благо человека — его сердце».

Говоря о системе воспитания периода правления Ахеменидов, следует отметить, что одной из важных составных частей её было физическое воспитание. Для закаливания тела, сохранения здоровья и формирования нравственных качеств детей и подростков обучали различным физическим и спортивным играм и упражнениям: верховой езде, стрельбе из лука, хоккею на траве, метанию копья, плаванию, поднятию тяжестей, ходьбе на свежем воздухе, танцам, игре в нарды, шахматы и т. д.

Уделялось внимание также эстетическому воспитанию молодого поколения. Об этом говорят археологические находки и дворцы периода правления Ахеменидов. Например, дворец в Персополе, возведённый на каменной площадке, господствовал над широкой равниной. Он украшался во времена царствования нескольких династий. Среди его роскошных украшений есть превосходные каменные барельефы, размещённые по бокам широких лестниц. На них изображены процессии воинов, придворных и других слоёв населения империи.

Система воспитания и обучения в Ахеменидский период находилась в руках священнослужителей, которые форми-

ровали у подрастающего поколения религиозный менталитет. Воспитание в духе зороастризма было тем оплотом, который позволил держать в повиновении миллионы забитых и угнетённых людей. Тем не менее зороастрийская религия всё-таки обязывала человека быть совершенным, воздерживаться от дурных поступков, совершать благие дела, прилагать усилия, чтобы жить в мире с другими людьми, стремиться к распространению знаний и науки, в меру своих сил поддерживать порядок в обществе.

Глава III «Школа и педагогическая мысль предков таджиков в IV—II вв. до н. э. и I—III вв. нашей эры» посвящена анализу основных течений в развитии школ и педагогической мысли периода завоеваний Александра Македонского и Кушанского времени и состоит из трёх разделов.

В первом разделе — «Социально-педагогическая и экономическая жизнь в период завоевания Средней Азии и Ирана Александром Македонским» — рассмотрены походы Александра на Среднюю Азию, открывшие грекам новые земли; борьба народов Согда и Бактрии против греков; кампания по основанию новых городов на завоеванных территориях; роль народов Средней Азии в развитии эллинистической культуры.

В 336 году до н. э. после убийства Филиппа его 20-летний сын Александр жестоко расправился с убийцами отца и возможными претендентами на престол.

Усмирив непокорных, Александр обратился к основной своей задаче — походу против персов. Первая встреча с войсками малоазиатских сатрапов произошла на реке Граник, и в тяжёлом бою персидская армия была разбита.

Закончив завоевание Малой Азии, Александр, пройдя через Киликию, вступил в Северную Сирию. Здесь ему вновь пришлось встретиться с персидскими силами. На этот раз во главе них стоял царь Дарий III. Сражение, происшедшее осенью 332 года до н. э. при Иссе, было тяжёлым для обеих сторон. С большим трудом македонцам удалось добиться победы. В Дамаске была захвачена походная казна персидского царя, что облегчило финансовое положение Александра, до этого весьма тяжёлое.

Весной 331 года до н. э. Александр двинулся на север. Перейдя Ефрат и Тигр, он подошёл к местечку Гавгамелы. Здесь 1 октября 331 года до н. э. произошло решающее сражение. Хотя персидская армия была сильнее, чем при Иссе, македонцам и на этот раз удалось разбить её. Таким

образом, ахеменидское войско вновь потерпело полное поражение. Дарий III бежал.

Завоевание восточных сатрапий, главным образом, южных областей Средней Азии, оказалось самой сложной частью походов Александра. В отличие от ситуации на Западе, где народные массы проявили полное равнодушие к смене власти, в Средней Азии началась настоящая народная война против завоевателей, продолжавшаяся три года.

Борьбу Согда и Бактрии за независимость возглавил военачальник Спитамен, одна из замечательных фигур в истории предков таджикского народа.

Несмотря на упорное сопротивление согдийцев, бактрийцев и других народностей Средней Азии, сатрапии попадали под власть греческого правителя. Здесь было основано несколько греческих городов.

Во время походов Александра и после них на Восток хлынул поток греков и македонцев, которые осели здесь, принеся новые формы социальных отношений и свою культуру. Некоторые из основанных Александром городов, префектур изменились, становятся центрами политической и экономической жизни. В результате походов раздвинулись географические рамки греческого мира, были проложены пути сообщения, расширилось судоходство — всё это способствовало развитию экономики, торговым связям. Походы обогатили открытиями географию, биологию, этнографию и другие науки. Именно в результате походов Александра произошла подлинная встреча Востока и Запада, которая повлияла на многие аспекты жизни, началось взаимное культурное обогащение. Независимо от оценки личности Александра и его характера, походы сыграли заметную роль в сближении европейской и восточной цивилизаций.

Отмечая влияние, оказанное культурой Греции на культуру Востока (оно действительно было очень значительным), многие учёные часто совершенно замалчивают культурные достижения восточных народов. В действительности же тысячелетняя культура Востока также оказала большое и разностороннее влияние на развитие культуры Греции и других стран Запада. В эллинистической культуре нашло отражение не «чисто» греческое культурное творчество, а своеобразное переплетение греческой и восточной культур. В развитии эллинистической культуры выдающаяся роль принадлежит и народам Средней Азии. Влияние Востока

отразилось на греческой философии, литературе, искусстве, педагогической мысли и т. д.

Таким образом, всё это явилось предпосылкой сохранения и усиления традиционности образования, характерного для Древней Средней Азии и Ирана, где эллинистические цари, используя древневосточные воспитательные традиции и идеи, насаждали культ царя, в котором слились древне-восточные представления о божественности царской власти. Однако бытующие социально-экономические условия создали предпосылки становления таких черт характера личности, как уверенность, скромность, смирение и терпимость, сдержанность в словах, умение довольствоваться тем, что есть у человека, любовь к Богу и к людям, готовность помочь ближнему, что не могло не отразиться на формировании педагогической мысли данного периода.

Второй раздел — «Культура, школа и педагогическая мысль в период эллинизма» — посвящён анализу особенностей состояния и развития школы и педагогической мысли в период эллинизма.

Эллинистическая культура формировалась в результате взаимодействия местных устойчивых традиционных элементов культуры с культурой, привнесённой завоевателями и переселенцами — греками и негреками. Сочетание этих элементов, формы синтеза определялись воздействием многих обстоятельств (численным соотношением различных этнических групп — местных и пришлых, уровнем их культуры, социальной организацией, условиями экономической жизни, политической обстановкой и т. д.), специфических для данной местности.

Одним из стимулов формирования эллинистической культуры стало распространение своей культуры, образа жизни и системы образования. В восточных городах, получивших статус полиса, возникали гимназии с полестрами, театры, стадионы и ипподромы. Даже в небольших поселениях, не имевших полисного статуса, но заселённых клерухами, ремесленниками и другими выходцами с Балканского полуострова, в городах Средней Азии и Ирана появились греческие учителя и гимназии.

Много внимания обучению молодёжи, следовательно, и сохранению основ эллинистической культуры уделялось в исконно греческих городах. Система образования, как её характеризуют авторы эллинистического времени, состояла из двух-трёх ступеней в зависимости от экономического и культурного потенциала полиса. Мальчиков с 7-летнего

возраста частные учителя или педагоги общественных школ обучали чтению, письму, счёту, рисованию, гимнастике, знакомили с мифами и легендами. Слушая и заучивая различные произведения, дети осваивали основы полнисного этического и религиозного мировоззрения. Дальнейшее образование молодёжи происходило в гимназии. С 12 лет подростки обязаны были посещать палестру (школу физической подготовки), чтобы овладеть искусством пентатлона (пятиборья, включавшего бег, прыжки, борьбу, метание диска и копья), и одновременно грамматическую школу, где они изучали сочинения поэтов, историков, геометрию, начала астрономии, обучались игре на музыкальных инструментах; 15—17-летние юноши слушали лекции по риторике, этике, логике, философии, математике, астрономии, географии, обучались верховой езде, кулачному бою, началу военного дела. В гимназии продолжали своё образование и физическую тренировку эфебы — юноши, достигшие совершеннолетия и подлежащие призыву на военную службу.

Вероятно, этот же обмен знаниями с теми или иными вариантами получали мальчики и юноши в полисах восточноэллинистических держав. За работой школ, подбором учителей, поведением и успехами учащихся строго следили гимнасарх и выборные лица из граждан полиса; расходы на содержание гимназии и учителей производились из полисной казны, иногда на эти цели поступали дарственные суммы от «эвергетов» (благотетелей) — рядовых граждан и правителей.

Гимназии были не только учреждениями для обучения молодёжи, но и центрами повседневной культурной жизни. Каждая гимназия представляла собой комплекс помещений, включавший палестру, т. е. открытую площадь для тренировок и состязаний с примыкающими к ним помещениями для натирания маслом и ополаскивания после упражнений (тёплые и холодные бани), портики и эскедры для занятий, бесед, лекций, где выступали местные и приезжие философы, учёные и поэты.

Свидетельством тому, что греческая культура здесь сохраняла свою роль, является, например, надпись, в которой говорится, что некий Клеарх (как выяснили учёные, Клеарх из Сол — учёный раннеэллинистического времени) скопировал в Дельфах известные «максимы» («афоризмы» в сжатой форме — основные правила эллинистического общества) и привёз в Ай-Ханум.

Ай-Ханум находится в северо-западной части городища, на берегу реки Пиандж. Здание гимназии представляет собой достаточно монументальное квадратное сооружение с обширным двором в центре и продолговатыми помещениями, расположенными по периметру стен. Стены здания выложены из сырцового кирпича. Каждая из сторон гимназии имеет одинаковое устройство: в центре находится открытая во двор эскадра, фланкированная узкими длинными комнатами.

В Средней Азии и Иране эллинистические полисы с их переселенцами, т. е. греками и македонцами (в некоторых городах они составляли свыше 50% населения), и античной системой образования соседствовали с местным населением: персами, согдийцами, бактрийцами и иудеями. Значительно возросла роль элементов рационализма в мировоззрении человека этой эпохи, что связано с растущим индивидуализмом. Личность всё более отделяется от общины, а, следовательно, от культурных традиций. Старое семейное воспитание в этих условиях не могло выполнять свои функции по воспроизводству традиционных социокультурных структур, поэтому воспитательная теория и практика народов Средней Азии и Ирана претерпевают в эту эпоху значительные изменения.

В третьем разделе — «Экономика, культура и педагогическая мысль периода правления Кушанов» — раскрывается влияние буддистских воспитательных традиций Индии на развитие педагогической мысли Кушанского периода.

На развитие культуры и педагогической мысли периода Кушанов определённое влияние оказали воспитательные традиции Индии. Если в период Ахеменидов и после похода Александра Македонского на Индию сильное влияние оказала культура Средней Азии, то с распространением буддизма в эпоху Кушан народы Средней Азии оказались под большим влиянием индийской культуры.

Для буддизма были характерны определённые принципы. Так, например, традиция приписывает Будде слова о том, что подобно тому, как вода в океане имеет привкус соли, так и его учение имеет «вкус освобождения». Жизнь — страдание, которое возникает в связи с желанием, стремлением к земному существованию и его радостям. Поэтому следует отказаться от желаний и следовать «восьмеричному пути» — праведному взгляду, праведному поведению, праведным усилиям, праведной речи, праведно-

му образу мыслей, праведной памяти, праведному образу жизни, праведному самоуглублению.

Не случайно в буддизме огромное значение имела этическая сторона. Нравственный аспект в поведении человека должен был занять особое место. Следуя «праведному пути», человек, согласно учению Будды, должен полагаться на самого себя, а не искать помощи, защиты и спасения извне.

Традиция использования греческого письма сохранилась в царстве Великих Кушан, затем в государстве Эфталитов, Хнонитов и др. Как свидетельствуют найденные в Бактрии надписи, «кушанское письмо» применялось как в официальных целях, так и в обиходе. Надписи «кушанским письмом» открыты на территории Бактрии — в Балхе, развалинах Дашлинского оазиса, в Сурхкотале, Термезе, Холчяне, Каменном городище, Душанбе и в других пунктах Южного Таджикистана и Узбекистана.

Все эти чрезвычайно благоприятные пласты письменной культуры и обусловили появление в регионе школьных организаций.

Первый греческий алфавит Кушанского периода появился около 160 года н. э. и имел 28 букв со специальными дополнительными знаками для обозначения тахарского языка Кушанского периода.

В Кушанской империи функционировали тысячи буддийских монастырей и школ. Развивалась буддийская литература назидательного характера.

В монастырях и школах детей обучали грамоте. В процессе обучения учащиеся должны были пройти шесть стадий. Преодолевшие эти стадии удостоивались определённых льгот и получали право работать в качестве учителей, чиновников и т. д. Но из многочисленных желающих лишь единицы могли до конца пройти все стадии обучения.

Наряду с религиозными науками в монастырях учащимся преподавали грамматику, историю, музыку, земледелие, астрономию, математику и т. д. Эти науки способствовали развитию образования и педагогической мысли.

В Средней Азии Кушанского периода монастыри стали центрами буддизма, очагами его распространения, своеобразными университетами и библиотеками.

Покорность и почитание верховного правителя на земле, царя — таковы основные заповеди буддизма, на которых зиждется норма нравственного воспитания, которому было подчинено всё содержание образования. Буддизм проповедовал такие идеалы, как дисциплина, бесприкословное по-

чинение, настойчивость, целеустремлённость — всё это во имя одного — ограничения желаний, строгого контроля над своими поступками, которые никак не должны были выйти за пределы норм, освящённых этой религией.

Глава IV «Педагогическая мысль и школа предков таджиков до арабского завоевания (III—VII вв.)» состоит из трёх разделов, в которых рассмотрены особенности педагогической мысли и школы Сасанидского периода.

Первый раздел — «Политика, культура и наука в Сасанидское время» — посвящён анализу особенностей политики, культуры и науки времён правления Сасанидов.

Сасанидское государство просуществовало более 400 лет (224/226—651 гг.). Для периода правления Сасанидов наиболее характерным является следующее: во-первых, примерно с IV в. н. э. в государстве усиленно развиваются феодальные отношения; во-вторых, в противовес центробежным стремлениям владетельных князей и правителей отдельных провинций значительно усиливается роль центральной власти; в-третьих, чрезвычайно растёт влияние зороастрийского жречества, зороастризм становится государственной религией.

Наибольшего могущества Сасанидское государство достигает при Хосраве I АнушERVане (531—579 гг.). Помимо больших завоевательных экспедиций, в ходе которых был покорён даже Иемен в Аравии, Хосров I провёл ряд военных реформ, закрепивших возникшие феодальные отношения и способствовавших их дальнейшему развитию. Серьёзную роль сыграли, в частности, налоговая, военная и административная реформы.

В Согде в VI—VII вв. развивались ювелирное, кузнечное, гончарное, столярное, плотницкое и оружейное искусства, а также ткачество, шелководство, земледелие и т. д. Большой объём ремесленного производства, внутренняя и внешняя торговля способствовали развитию сети школ (дабистан и дабиристан) и педагогической мысли.

Согдийцы: торговцы, ремесленники, проповедники, воины, полководцы, учёные и т. д. — сыграли важную роль в истории Центральной Азии от Тибета и Ладака до Монголии. Что же касается Восточного Туркестана, отсюда исходит многообразие согдийской письменности, неопровержимо свидетельствующие о влиянии согдийцев на развитие истории этой страны, на все стороны культурной жизни и в частности на становление педагогической мысли и школы.

Первые памятники согдийской письменности были найдены в Восточном Туркестане. Они были написаны на сирийском, манихейском и третьем, очень близком к уйгурскому, алфавитах. Все они относились к одному языку. В некоторых из них содержались календарные термины, совпадающие с теми, которые Бируни в «Памятниках минувших поколений» назвал согдийскими.

Азбука согдийского языка свидетельствует о том, что существовали специальные упражнения для тех, кто начал обучаться грамоте. Учебные упражнения на согдийском языке найдены в Средней Азии, а также в Мерве.

Постановка образования, которое предусматривало обучение малолеток счёту, ориентировала интеллект на практику градостроительства, архитектуру, ремёсла и торговлю, земледелие и ирригацию, осмыслению других проблем бытового и духовного плана, выработала в согдийцах жизненный практицизм, умения и мастерство во всём.

Все письменные памятники этого периода, дошедшие до нас, за исключением незначительных фрагментов, носят нравственный характер.

Сасанидские памятники на среднеперсидском языке известны по нескольким письменностям: 1) пехлевийской, представленной в нескольких вариантах, из которых основные — ранние надписи (на скальные, геммы и монеты), книжное письмо, псалтыри и письмо позднейший зороастрийский и других рукописей; деловой курсив пехлевийских папирусов, пергаментов острака; 2) манихейской, известной по рукописям, которые были обнаружены в Турфанском оазисе; 4) пазент-передача среднеперсидских текстов авестийским алфавитом; 5) перси-передача среднеперсидских текстов арабо-персидским письмом.

Однако основной материал для изучения педагогической мысли, истории, культуры и языка Сасанидского периода даёт обширная книжнопехлевийская литература духовного (зороастрийского) и светского содержания. Рукописи созданы книжным пехлеви, основанном на арамейской графике. Самыми большими по объёму в книжнопехлевийской литературе являются оригинальные пехлевийские зороастрийские тексты религиозно-философского и морально-эстетического содержания. Отдельные тексты содержат сведения по космологии, эсхатологии, астрологии, географии и т. д.

Во втором разделе — «Школа и развитие педагогической мысли» — на основе широкого круга оригинальных источ-

ников рассмотрены основные тенденции развития школы и педагогической мысли Сасанидского периода.

При дворах последних Сасанидов (Хусрава I, Хормуз-да IV, Хусрава II Парвиза) процветали наука, образование, музыкальное искусство, создавались высокохудожественные произведения религиозного и светского характера, различные по жанровым формам.

Следует отметить, что большинство земледельцев были неграмотными, а купцы умели читать, писать и считать. Начальное и высшее образование носило религиозный характер и находилось под контролем священнослужителей. Дети из знатных семей, как и в Ахеменидское время, обучались и воспитывались при царском дворе под руководством «омузгоррасворон» («учителей»). Их обучали чтению, письму, счёту, охоте, верховой езде, игре в хоккей на траве, в шахматы, а также приёмам использования оружия. По сообщению Табарни, принц Бахром V воспитывался у Манзара. Однажды, обращаясь к своему учителю, он сказал: «Прошу у всевышнего, чтобы мои учителя обучали меня основам наук, культуре, стрельбе и верховой езде». Манзар ответил: «Ты ещё ребёнок, поэтому не в состоянии изучить всё это. Ты делай то, что делают дети, а когда вырастешь, приведут к тебе тех, кто обучит этому тебя». Бахром возразил ему: «Да, по своей природе я ещё ребёнок, но моё «я» уже взрослое» («Я рассуждаю как взрослый»). Тогда Манзар пригласил учителей, стрелков и учёных из Рима и Фарса для его обучения и воспитания.

Необходимо заметить, что 15летие считалось подходящим временем для нравственного воспитания, так как в этом возрасте юноша уже обязан выполнять все ритуалы и традиции зороастрийской религии и вступить в их общество. Как говорится в пехлевийской книге «Пандиоман Зардушт» («Наставления Заратуштры»), каждый молодой человек в 15 лет обязан знать основы религии и судьбу человеческой жизни по «Авесте» и «Занду». В 20 лет юноши сдавали экзамены учителям, хирбедам и учёным.

Обучение письму, чтению и счёту в Сасанидское время не было доступным для всех детей. Дети из бедных семей не получали никакого образования. В сельской местности даже не стремились к нему, а городские дети очень нуждались в грамоте. К этому вынуждало их развитие торговли и ремёсел. Несмотря на большое желание учиться, только отдельным детям удавалось овладеть чтением, письмом и счётом, так как пехлевийская письменность была

очень сложной, и не каждый желающий мог её освоить.

Принцы и дети знатных семей получали образование в «фархангистанах». Содержание образования здесь состояло из чтения, письма, верховой езды, охоты, стрельбы из лука, игры в чаугане, шахматы и нарды.

Обучение осуществлялось в дабистанах и дабиристанах. Дабиристан—это особая форма светской школы поэтапного и факультативного воспитания детей придворных.

В дабиристане срок обучения не устанавливался. Полный курс считался законченным, если студент под руководством мубедов (жрецов) прочитал и изучил установленное количество текстов по богословию и другим дисциплинам. Этот курс обычно занимал 10—15 лет, и большинство оканчивали дабиристан в возрасте 30—35 лет.

Основными предметами в дабиристане были богословие, письмо (каллиграфия), согдийский язык или пехлеви, риторика, математика, астрономия, астрология, медицина, география и др.

Основными методами преподавания в дабиристанах являлись лекции, диспуты и беседы.

Учителей называли «фархангиён» и «андарзбадон», что в переводе означает «лица, дающие наставления, знания». К педагогам предъявлялись определённые требования. Во-первых, учитель должен быть грамотным, во-вторых, религиозным, в-третьих, умным наставником. Делами обучения руководил «мубади мубадон», то есть «верховный жрец».

В Сасанидское время целями и задачами воспитания являлись:

1. Традиции семейного воспитания для продолжения рода.
2. Воспитание в духе племенных и расовых традиций.
3. Религиозное и нравственное воспитание.
4. Воспитание и формирование трудовых навыков и привычек для освоения различных профессий и ремёсел.
5. Физическое воспитание, соблюдение правил гигиены, а также защита окружающей среды.
6. Умение читать, писать и считать.
7. Военно-патриотическое воспитание и военная подготовка для защиты своей Родины.
8. Борьба против тунеядства и безработицы, т. к. зороастрийцы считали, что тунеядство и безработица вынуждают человека совершать преступления: воровать, выпивать, убивать и т. д.

Созданию семьи уделялось большое внимание. По этому

поводу в «Заветах предков» говорится: «Жить с доброй женой хорошо», «Будь другом скромной женщины и выдай её замуж за человека рассудительного и умного, ибо рассудительный и умный всё равно, что хорошая земля, в которую брошено семя, и из неё вырастают («восходят») разнообразные плоды», т. е. рождаются здоровые и умные дети.

Сохранились сведения о том, какое внимание уделялось в Сасанидское время обучению грамоте в пехлевийских наставлениях. Так, например, в «Наставлениях Адурбада — сына Махраспанда» по этому поводу говорится: «Останься, мой сын, чтобы я обучил тебя знаниям». Далее в этом же тексте: «Не оставляй свою жену и детей без образования, чтобы тебя не постигли печаль и тяжкое горе, чтобы ты не раскаивался». Здесь же упоминается о значении школы и грамоты для детей: «Если у тебя будет сын, отдай его в школу в детстве, так как учение — свет глаз».

Детей обычно в школу приводили в день Хварны: «В день Хварны отведи ребёнка в школу, чтобы он стал грамотным и умным».

Вот пример из «Наставлений Бузургмехра» о роли обучения в жизни человека: «Что для людей лучше: разум или знание? Разум лучше для освоения дела, а знание — для оценки дела».

Как выяснилось, результаты обучения Сасаниды видели в физическом, нравственном развитии личности и умении управлять своим поведением. Из наставлений «О пяти чертах характера жрецов»: «Будьте ревностными в стремлении к учению, ибо учение — украшение в благополучии, в трудности, помощник в несчастье и ремесло в бедности».

В пехлевийской книге «Ганджи шойгон» говорится, что воспитание формирует личность или её отдельные нравственные и эстетические качества. В пехлевийской книге «Наставления Адурбада — сына Махраспанда» про обучение и воспитание сказано: «Учение — свет глаз», а «Динкард» называет воспитание душой человека.

На рубеже первого тысячелетия нашей эры в ряде городов Ближнего и Среднего Востока под влиянием античных университетов Греции и Рима открылись собственные университеты, оказавшие существенное влияние на развитие арабоязычной культуры Средней Азии и Ирана. Например, в III веке н. э. на западных границах Ирана успешно действовала Нисибинская академия. В этом по-

граничном городе, находившемся под властью Шапура I Сасанида, школа достигла небывалого расцвета. Из нисибинской школы вышло немало учёных-персов, которые, кроме ряда трактатов по теологии, оставили труды по философии, натурфилософии, логике, космографии и истории.

Дальнейшее развитие науки в Иране связано с основанием Хосровом Анушерваном университета в Гудишапуре.

В период царствования Шапура академия состояла из отделов медицины, астрономии, философии, литературы и искусства. Обширная библиотека академии занимала 529 комнат, где хранились книги по музыке, философии, медицине, арифметике, физике, механике, фармакологии, логике, риторике, литературе, этике и эстетике на пехлевийском, сирийском, индийском, греческом и других языках.

В академии преподавались литература, этика, право, политика, экономика, каллиграфия, история, астрономия, математика, музыка, религия, медицина, ботаника и др.

Третий раздел — «Дидактические произведения Сасанидского периода и их роль в развитии педагогической мысли» — посвящён анализу дидактических произведений и их роли в развитии педагогических идей периода правления Сасанидов.

В доисламский период педагогическая мысль отражалась в основном в дидактических произведениях, которые назывались «андарзнома» («наставления»), «панднома» («притчи») и «насихатнома» («назидания»). Такими являются «Авеста», «Наставления Хусрава Канадана», «Наставления Бахтофариды», «Наставления Адурбада Фаранбуга», «Наставления мудрецов — зороастрийцам», «Наставления Вехзад Фаррох Пероза» и др.

Наставления посвящены нравственным и педагогическим проблемам. К ним же относятся книги, рассказы, наскальные надписи нравственного характера доисламского периода. В наставлениях отражены нравственные проблемы, а также вопросы семейных отношений, отношений с родственниками, друзьями. Авторы наставлений являются проповедниками правдивости, справедливости, борьбы против зла и ярыми противниками тунеядства, лжи. Они критикуют низменные проявления среди людей.

Пехлевийские назидания оказали большое влияние на развитие средневековой педагогической мысли персов, таджиков, арабов и других народов Востока. Под влиянием пехлевийских наставлений создавали свои произведения Ру-

даки, Абушакур Балхи (поэма «Офариннома»), Фирдоуси («Шахнаме»), Абуали ибн Сино («Зафарнома»), Абдуллох Ансори («Насоех»), Саади («Гулистан»), Джами («Бахористон») и многие другие.

В последнее столетие царствования Сасанидов было написано много книг по вопросам теоретической и практической морали. В них были изложены правила поведения в семье, в общественных местах, в гостях, во время путешествий, в бане и т. д. Из этих книг сегодня известны «Наставления ушного Ушнара», «Худойнамак», «Наставления Хосрова Кавадана», «Мозигон чатранг» («Расказ об игре в шахматы») и др. В «Фарханги пахлавик», «Хосров Кавдан у редак», «Саксиране» и других произведениях встречаются песни воспитательного характера.

Из дидактических произведений Сасанидского времени до наших дней дошли «Заветы предков», «Избранные наставления учителей», «Наставления мудрецов зороастрийцам», «Наставления Хосрова — сына Кавада», «Наставления Адурбада — сына Махраспанда», «Наставления Вехзада Фаррох Пероза», «Несколько слов Адурфарробага — сына Фаррохзода», «Изречения Бохтафрида и Адурбада — сына Заратуштры», «Деление вещей земных», «Наставления Бузургмихра», «Наставления дастуров зороастрийцам», «О пяти чертах характера жрецов», «Несколько изречений Адурбада — сына Махраспанда», «Лекарство удовлетворения», «О характере и разуме счастливого человека».

В наставлениях уделяется особое внимание проблеме предопределения судьбы личности со дня рождения. Их назидательная часть нам представляется несколько хаотичной, так как авторы руководствовались критериями, понятными только им. Они не придерживались строгой схемы в изложении, поэтому рекомендации высокого нравственного характера в них чередуются с обыденными советами.

В пехлевийской назидательной литературе следует видеть истоки ривайатов — сводов важных сведений о религиозных нравственных представлениях, воспитательных традициях, обычаях зороастрийцев. На новоперсидский переводятся пехлевийские книги, а именно: «Наставления Хосрова — сына Кавада», «Поучения Бузургмихра». Отдельные изречения Хосрова и Бузургмихра цитируются в новоперсидских сочинениях: «Шахнаме» Фирдоуси, «Кабуснаме» табаристанского правителя Унсурмаали Кей Кавуса (XI век), «Сийасатнаме» Низам-ул-Мулука (XI век), «Бустане» и «Гулистане» Саади (XIII век).

Дидактические, эстетические и этические взгляды народов Средней Азии и Ирана эпохи Сасанидов постоянно обогащались новыми идеями народов соседних стран и наоборот.

В заключении подведены основные итоги диссертационного исследования. Они сводятся к следующему.

Возникновение ранних педагогических знаний тесно связано с древнеиранской письменностью, развивающейся в течение почти тысячелетия. О ней судить по таким памятникам, как «Авеста», фрагменты согдийской и парфянской литератур, по произведениям западно-пехлевийской (среднеперсидской) письменности, развивавшейся на части территории Хорасана и в большей мере — на территории Фарса.

Педагогические воззрения в устном народном творчестве отражались в основном в баснях, воплощавших житейскую мудрость народных масс, и сказочных сюжетах правоучительного содержания. Об этом можно судить по скудным фрагментам, дошедшим до нашего времени, по отрывкам, вставленным в тексты «Авесты», по сюжетам и образам мифологического и героического эпоса, живущим в фольклоре иранских народов, по данным археологии и по сообщениям средневековых авторов об обрядах Согда, Хорезма, Балха и Фарса. В этих фрагментах восхваляются люди труда, ремесленники, искусное ремесло (хунар). Ценные идеи народной педагогики пронизывают притчи, латифа (анекдоты), поговорки и пословицы, загадки (чистон).

Наше исследование показало, что практика воспитания, под которой понимается целенаправленный процесс приобретения подрастающего поколения к общественному опыту, передачи им знаний, умений и навыков, формирования эмоционально-ценностного отношения к действительности, развития их духовных и физических сил, была в таджиков и персов до нашествия арабов многообразной. Она осуществлялась как в институализированных формах в рамках различных учебно-воспитательных учреждений (храмах огня, лабистанах, д-биристанах, фархангистанах и др.), так и в неинституализированных формах по мере включения детей и подростков в различные виды деятельности и общение под надзором, контролем и руководством старших. Причём в древности удельный вес последних форм существенно превалировал над первыми. Институализированное воспитание охватывало лишь ограниченное число детей — представителей привилегированных и зажиточных групп общества.

Практика воспитания и педагогическая мысль таджик-

ского народа возникли внутри первобытного общества и прошли долгий и сложный путь развития до возникновения ислама. Наряду с социальными, экономическими и политическими переменами изменялись цели, содержание, формы и методы обучения и воспитания.

В рабовладельческом и феодальном обществах воспитание было средством решения жизненных противоречий. С одной стороны, это были противоречия между личностью, обладающей необходимыми знаниями, умениями, навыками и определённым мировоззрением и существующим общественным устройством. С другой стороны, противоречия между возможностями формирования личности в рамках влияния неуправляемой стихийной среды. Поиски эффективных путей требовали осознанной воспитательной деятельности, что содействовало развитию педагогической мысли.

При изучении практики воспитания таджиков с древнейших времён до нашествия арабов возникла проблема вычленения и исследования таких конкретных её форм, как семейное, общественное воспитание, воспитание в различных учебно-воспитательных учреждениях (контролируемых государством, общиной, храмом, сектой, частным лицом), профессиональное, ремесленное, жреческое ученичество (занимавших положение между институализированными и неинституализированными формами воспитания), воспитание детей социальной верхушки общества, направленное на подготовку их к исполнению государственных должностей.

Одной из центральных проблем изучения педагогической мысли таджиков с древнейших времён до нашествия арабов является вопрос о приращивании педагогических знаний. Этот процесс происходит за счёт накопления и обобщения опыта воспитания, например, в результате возникновения школ в Ахеменидской империи. Широкая практика обучения чтению и письму позволила разработать специальные методы обучения детей грамоте.

Приращение знаний также происходило в результате взаимопроникновения и взаимообогащения педагогических идей. Наконец, приращение педагогических знаний обеспечивало развитие определённых областей знаний: философии, этики, психологии и т. п., так как это существенно обогащало представления об идеале человека, способах овладения знаниями, умениями и навыками. Так, например, благодаря достижениям Сасанидского периода в области этики, теории познания и психологии по сравнению с пред-

шественниками был сделан существенный шаг вперёд в разработке многих педагогических проблем.

Говоря о взаимодействии педагогической мысли и практики воспитания таджиков с педагогической мыслью других народов Востока, следует помнить об их специфических закономерностях и путях развития, о частом несоответствии педагогических идей (особенно выдвигаемых на теоретическом уровне) реально существующей практике. Эти идеи либо могли отражать изжившие себя тенденции воспитания, либо, наоборот, забегать вперёд, либо опираться не столько на конкретную практику воспитания, сколько на философские, религиозные и т. п. представления, при этом по возможности разграничивать реально существующую массовую практику всех форм воспитания и практику отдельных воспитательных институтов, не совпадающих с массовыми и часто противостоящих им, однако служащих важным источником возникновения и реализации многих педагогических идей.

Вне жизни общества, вне функционирования его основных сфер — экономической, социальной, политической и духовной — воспитание, динамика его целей и задач, содержание форм, методов и средств не могут быть правильно поняты, как не может быть понята педагогическая мысль общества о закономерностях познания, о движущих силах социального развития.

Ближайшие области общественной жизни древних таджиков, в пределах которых существует предмет историко-педагогического исследования их культуры, — это совокупность процессов социального формирования человека, а также их отражение и осмысление в сознании людей. Именно из них и вычленяется практика воспитания и педагогическая мысль. Эти общественные явления изучают не только историки педагогики, но и представители ряда других наук, однако в их подходах имеются существенные различия.

Вышеизложенное позволило сформулировать выводы:

1. В древности, в условиях деспотии человек никогда не воспринимался независимой, дееспособной личностью, гражданином. Господство религиозного мировоззрения заставляло уделять особое внимание проблемам религиозного воспитания. Основная цель при этом была единственной — всеми способами подзавить самостоятельно мыслящую личность, подчинить её единой воле правителя. Этой цели было подчинено всё, в том числе контроль и управление образованием и воспитанием подрастающего поколения.

2. Подавляя личность, бытующие отношения в конечном счёте препятствовали развитию всего человеческого потенциала, держали огромные людские массы в темноте, невежестве и фанатизме, и тем самым предreshалась судьба Востока, его неминуемое отставание.

3. В произведениях древнеиранской письменности «Авеста», «Драхти асурик ва буз» («Ассирийское дерево и коза»), «Ядгари Зареран» («Память о Зареране»), «Весантра Джатака» и других раскрыты значение, сущность, задачи воспитания и образования человека.

4. Предки таджикского народа для подготовки человека к жизни большое внимание уделяли нравственному, эстетическому, физическому, трудовому и экологическому воспитанию. С их точки зрения, человека нужно воспитывать в духе гуманизма, патриотизма, бескорыстия, честности, порядочности, правдивости и т. д.

5. Большое значение также придавалось общинному и семейному воспитанию. В целях умственного, физического и нравственного воспитания родителям предлагалось приступать к обучению и воспитанию своих детей с раннего возраста, используя наставления, назидания, искренние и душевные беседы и т. д. Методы, избранные предками таджикского народа, могут быть успешно использованы учителями, родителями и в настоящее время.

6. В таких произведениях древнеиранской письменности, как «Авеста», «Драхти асурик ва буз», «Весантра Джатака», «Ядгари Зареран» и др., труд признан основным источником существования людей и основным фактором нравственного, физического и умственного развития человека. Только старание и труд, а также выбор профессии могут поднять ценность человека в обществе.

7. Немаловажное значение придавалось эстетическому воспитанию. Красота, существующая в природе и обществе, отражена в «Авесте», фрагментах парфянской и согдийской литератур, произведениях западнопехлевийской письменности. Пейзажи, музыка, художественное слово и другие виды искусства считались важными средствами воспитания.

8. Большая роль отводилась школе, задача которой заключалась в том, чтобы привить учащимся любовь к знаниям и науке. Но частично основы наук человек должен был изучить самостоятельно. Средствами развития умственных способностей считались также дискуссии, викторины, соревнования учащихся в процессе обучения.

«Наука и знания, — говорили они, — повышают ценность

Человека только тогда, когда эти знания можно применить на практике». Основными средствами закрепления знаний считались упражнения и повторения.

9. Предки таджиков придавали огромное значение личности учителя, который должен любить свою работу и учащихся. На примере собственного поведения он должен был воспитывать своих питомцев, обладать умением развивать умственные способности учеников. Учитель сам должен быть образцом нравственности. Благодаря своим знаниям и личностным качествам он может подготовить обществу совершенного человека, т. к. природные задатки и способности учеников, благодаря целеустремлённому воздействию учителя, развиваются всесторонне.

Опираясь на результаты проведённого исследования, считала бы необходимым рекомендовать:

В целях совершенствования и повышения эффективности методов обучения и воспитания учащейся молодёжи необходимо:

а) изучать педагогическое наследие прошлого, представляющее огромную практическую ценность для воспитания молодёжи;

б) отобрать и включить в программы обучения и воспитания школьников этнопедагогический материал отражающий особенности и специфику становления личности через традиции и обычаи таджикского народа;

в) опираться в своей работе на педагогические мысли прошлого;

— ввести в учебные планы педагогических университетов и колледжей на правах основной учебной дисциплины курс «Истории педагогической мысли таджикского народа»;

— создавать условия для систематического и эффективного изучения студентами прогрессивного наследия прошлого таджикского народа в аудиторное и внеаудиторное время;

— практиковать проведение научно-теоретических конференций, круглых столов, семинаров и т. д. для всестороннего и глубокого изучения и анализа педагогического наследия таджикского народа. Для чего:

— издать очерки истории педагогической мысли таджикского народа с учётом необходимости реализации новых государственных образовательных стандартов в Республике Таджикистан и в соответствии с прогрессивными традициями народа;

— знакомить с историей развития педагогической мысли таджикского народа слушателей курсовых мероприятий институтов усовершенствования учителей и повышения квалификации педагогических работников.

По теме диссертации автором изданы следующие работы:

1. История педагогической мысли таджикского народа (с древнейших времён до возникновения ислама).— Душанбе, 1998.—14,7 п. л.

2. Школа и развитие педагогической мысли в период Саманидов.//Материалы Международной научно-теоретической конференции, посвящённой 1100-летию Государства Саманидов.— Душанбе, 1999.—0,7 п. л.

3. Педагогические идеи в пехлевиийской литературе.//Тезисы докладов Республиканской научно-теоретической конференции «Древняя и современная литература Хатлона».— Куляб, 1998.—0,1 п. л.

4. Просвещение периода правления Саманидов. Ж.: Адаб, 1998, №№7—12.—0,4 п. л.

5. Педагогическая мысль таджиков в древние времена. Ж.: Русский язык и литература в таджикской школе, 1997, №№1—2.—0,8 п. л.

6. Обучение и воспитание в зороастрийской религии. Ж. Маърифат, 1997, №№5—6.—0,6 п. л.

7. Вопросы экологического воспитания в «Авесте». Ж. Экологически чистые технологии, 1997, №7.—0,3 п. л.

8. «Авеста» — воспитательное произведение. В кн.: От «Авесты» до Хамадани. Сборник научных статей.— Куляб, 1994.—1 п. л.

9. Педагогические взгляды Фахриддина Гургони.//Тезисы докладов научно-практической конференции преподавателей и студентов Кулябского университета.— Куляб, 1993.—0,1 п. л.

10. Проблемы воспитания в «Авесте».//Тезисы докладов научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава Кулябского университета.— Куляб, 1992.—0,1 п. л.

11. Уважение к культурному наследию народа — путь к национальному возрождению.//Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Педагоги за национальное возрождение».— Бишкек, 1991.—0,3 п. л.

12. Педагогические взгляды Фирдоуси.— Куляб: Сада, 1991.—3,5 п. л. (в соавторстве).

13. Об истории нравственных понятий в «Авесте».//Тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции молодых учёных и специалистов.— Курган-Тюбе, 1991.—0,2 п. л.

14. О системе воспитания в древнем Афганистане. Проблемы востоковедения.— Душанбе, 1987.—0,5 п. л.

15. Безграмотность — проклятое наследие прошлого. Ж.: Мактаби советӣ, 1986, №7.—0,5 п. л. (в соавторстве).

16. Образовательные учреждения эпохи Саманидов. Ж.: Адаб, 1999, №3.—0,4 п. л.

17. Опубликована рецензия на монографию «История педагогической мысли таджикского народа (с древнейших времён до возникновения ислама). Ж. Маърифат, 1999, №№3—4.—0,4 п. л.

Фирдоуси

